

СТАНИСЛАВ
ЛЕМ

✧
Расследование
•
Насморк
✧

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Зарубежная классика (АСТ)

Станислав Лем

Расследование. Насморк (сборник)

«АСТ»

1955, 1976

УДК 811.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Лем С.

Расследование. Насморк (сборник) / С. Лем — «АСТ», 1955,
1976 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-107210-0

«Расследование». Инспектор Скотленд-Ярда принимает участие в расследовании странного дела: трупы пропадают из моргов сельских больниц в окрестностях Лондона. Обстоятельства преступлений складываются таким образом, словно мертвые люди каким-то чудом обрели способность передвигаться... «Насморк». Стареющий астронавт-неудачник, так и не осуществивший свою мечту о полете на Марс, участвует в опасном эксперименте, чтобы раскрыть серию таинственных убийств на итальянском курорте. Погибших по неосторожности и самоубийц, мужчин средних лет, казалось бы, ничто не связывает — у них разные привычки и пристрастия, внешность, место работы. Но какая-то закономерность все же должна существовать — и бывший астронавт, агент под прикрытием, шаг за шагом повторяет путь одной из последних жертв из Неаполя в Рим, понимая, что смерть дышит ему в затылок...

УДК 811.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-107210-0

© Лем С., 1955, 1976

© АСТ, 1955, 1976

Содержание

Расследование	6
Глава I	6
Глава II	19
Глава III	34
Глава IV	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Станислав Лем

Расследование

Насморк

© S. Lem, 1955, 1976

© Перевод. В. Чепайтис, наследники, 2018

© Перевод. С. Ларин, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Расследование

Глава I

Старомодный лифт со стеклянными узорчатыми дверцами полз вверх. Мерно щелкали контакты на этажах. Остановка. Четверо мужчин пошли по коридору, где, несмотря на дневное время, горели лампы.

Обитые кожей двери открылись.

– Прошу вас, джентльмены, – произнес стоявший в них человек.

Грегори вошел последним, вслед за врачом. Здесь тоже было почти темно. За окном в тумане проступали голые ветви деревьев.

Главный инспектор Шеппард вернулся к черному массивному столу с двумя телефонами и плоским микрофоном внутренней связи. На полированной его поверхности лежали очки, трубка и кусочек замши.

Садясь в глубокое кресло сбоку от стола, Грегори заметил портрет королевы Виктории, взиравшей на него со стены над головой главного инспектора. Тот оглядел их поочередно, как бы пересчитывая или припоминая лица. Боковая стена была закрыта большой картой Южной Англии, напротив высился длинный темный книжный стеллаж.

– Вы с этим делом знакомы, джентльмены, – произнес главный инспектор, – а мне оно известно только по протоколам. Поэтому попрошу вас коротко изложить факты. Может, начнете вы, Фаркварт?

– Слушаюсь, господин инспектор, но начало я тоже знаю только по протоколам.

– В самом начале не было и протоколов, – заметил Грегори несколько громче, чем следовало. Все уставились на него. С подчеркнутой непринужденностью он принялся шарить по карманам в поисках сигарет.

Фаркварт выпрямился в своем кресле.

– Все началось примерно в середине ноября прошлого года. Возможно, первые случаи произошли раньше, но на них не обратили внимания. Первое полицейское донесение мы получили за три дня до Рождества, и только много позже, в январе, тщательное расследование выявило, что эти истории с трупами случались и раньше. Первое сообщение поступило из Энгендера. Оно носило, в сущности, полуофициальный характер. Смотритель морга Плейс жаловался коменданту местного полицейского участка, который, кстати, приходится ему зятем, что кто-то ночью передвигал трупы.

– В чем состояло это передвижение?

Шеппард методично протирал очки.

– В том, что трупы утром оказывались в ином положении, нежели накануне вечером. Точнее говоря, речь шла лишь об одном трупе, кажется, какого-то утопленника, который...

– Кажется? – безразличным тоном повторил главный инспектор.

– Все показания – это сведения из вторых рук, ведь сперва им не придавали значения, – пояснил Фаркварт. – Смотритель теперь не совсем уверен, был ли это труп именно того утопленника или какой-то другой. В деле нарушена формальная сторона: комендант участка в Энгендере Гибсон не запротоколировал это сообщение, потому что думал...

– Может, не стоит вдаваться в подробности? – бросил со своего кресла мужчина, сидевший под книжным стеллажом. Он расположился в самой свободной позе, закинув ногу на ногу так, что видны были желтые носки и полоска обнаженной кожи над ними.

– Боюсь, что это необходимо, – сухо возразил Фаркварт, не глядя на него.

Главный инспектор наконец надел очки, и его лицо, до той поры казавшееся бесстрастным, приобрело доброжелательное выражение.

– Формальную сторону расследования мы можем опустить, по крайней мере сейчас. Прошу вас продолжать, Фаркварт.

– Слушаюсь, господин инспектор. Второе сообщение мы получили из Плентинга, через восемь дней после первого. В нем тоже речь шла о том, что ночью кто-то передвинул труп в кладбищенском морге. Покойник, портовый рабочий по фамилии Тиккер, давно болел и сильно обременял семью.

Фаркварт искоса взглянул на Грегори, который нетерпеливо ерзал в кресле.

– Похороны должны были состояться утром. Члены семьи, явившись в морг, заметили, что труп лежит лицом вниз, то есть спиной кверху и, кроме того, с раскинутыми руками, что производило такое впечатление, будто человек... ожил. То есть так показалось родне. В округе распространились слухи о летаргическом сне; говорили, что Тиккер пришел в себя после мнимой смерти и так перепугался, найдя себя в гробу, что умер вторично, на этот раз окончательно.

– Это, разумеется, были сказки, – продолжал Фаркварт. – Местный врач констатировал смерть без всякого сомнения. Но слухи все расползались, и тогда вспомнили, что люди поговаривают уже давно о так называемом передвижении трупов или, во всяком случае, о том, что за ночь они меняют положение.

– Что значит давно? – спросил главный инспектор.

– Точно установить невозможно. Слухи касались Шелтема и Диппера. В начале января было произведено первое более или менее систематизированное расследование местными силами, поскольку дело представлялось пустяковым. Показания местных жителей были в чем-то преувеличены, в чем-то противоречивы. Собственно говоря, никаких результатов. В Шелтеме речь шла о теле Самуэля Филти, умершего от сердечного приступа. Он якобы перевернулся в гробу в ночь под Рождество. Могильщик, который сделал это заявление, известен как горький пьяница, его слова никто не мог подтвердить. А в Диппере имелся в виду труп душевнобольной женщины, обнаруженной утром в морге на полу, около гроба. Поговаривали, что ее вышвырнула падчерица, которая ночью проникла в морг и проделала это из ненависти. Разобраться во всех этих сплетнях и слухах просто невозможно. Все ссылались на якобы очевидца, а тот на кого-то еще.

– Мы бы сдали это дело в архив, – Фаркварт заговорил чуть быстрее, – но шестнадцатого января из морга в Трикхилле исчезло тело некоего Джеймса Трейла. Дело поручили сержанту Пилу из нашего следственного отдела. Труп был похищен из морга между двенадцатью ночи и пятью часами утра, когда владелец похоронного бюро заметил его отсутствие. Умерший был мужчина... лет примерно сорока пяти.

– Вы в этом не уверены? – спросил главный инспектор. Он сидел, опустив голову, словно разглядывая себя на полированной поверхности стола. Фаркварт откашлялся.

– Уверен. Так мне сообщили... Он скончался от отравления светильным газом. Произошел несчастный случай.

– Вскрытие? – поднял брови главный. Наклонившись в сторону, он потянул за ручку, которая открывала задвижку дымохода. В неподвижной духоте кабинета повеяло свежестью.

– Вскрытия не производилось, но мы убеждены, что это несчастный случай. Через шесть дней, двадцать третьего января, такой же случай произошел в Спиттоне. Там исчез труп двадцативосьмилетнего Джона Стивенса, рабочего, который накануне смертельно отравился, когда чистил котел на винокуренном заводе. Смерть наступила около трех часов пополудни, тело доставили в морг, где последний раз его видел сторож в девять вечера. Утром трупа уже не было. И это дело, как и предыдущее, вел сержант Пил, и тоже безрезультатно. Поскольку мы тогда еще не принимали в расчет возможной связи этих двух случаев с предыдущими...

– Давайте пока воздержимся от комментариев. Это облегчит нам обзор фактов, – заметил главный инспектор. Он учтиво улыбнулся Фаркварту, опустив сухую, легкую руку на стол. Грегори невольно засмотрелся на эту анемичную старческую руку, совершенно лишенную рисунка кровеносных сосудов.

– Третий случай произошел в Лоуверинге. Это уже в пределах Большого Лондона, – продолжал Фаркварт глухим голосом, как бы утратив охоту продолжать свой затянувшийся доклад. – У медицинского факультета там новая большая прозекторская. Оттуда исчез труп пятидесятилетнего матроса Стюарта Элони, скончавшегося в результате продолжительной тропической болезни, которую он подхватил во время рейса в Бангкок. Это произошло через девять дней после исчезновения трупа номер два, второго февраля, точнее, в ночь со второго на третье. На этот раз за расследование взялся Скотленд-Ярд. Вел его инспектор Грегори, и он же потом взял еще одно дело – о пропаже покойника из мертвецкой на пригородном кладбище в Броумли. Произошло это двенадцатого февраля, речь шла о трупе женщины, умершей после операции по поводу рака.

– Благодарю вас, – сказал главный инспектор. – А почему отсутствует сержант Пил?

– Он болен, господин инспектор. Лежит в больнице, – отозвался Грегори.

– Да? А что с ним?

Грегори смешался.

– Я точно не знаю, но кажется, что-то с почками.

– Так, может быть, теперь вы доложите нам о ходе расследования?

– Слушаюсь, господин инспектор.

Грегори откашлялся, перевел дух и, стряхнув пепел мимо пепельницы, неожиданно тихо произнес:

– Хвастать нечем. Трупы во всех случаях исчезали ночью. На месте не обнаружено никаких следов и никаких признаков взлома. Да в этом, собственно, и не было необходимости. Как правило, двери в прозекторских не запираются или запираются так, что их откроет кривым гвоздем даже ребенок...

– Прозекторская была заперта, – впервые отозвался полицейский врач Сёренсен. Он сидел, откинув голову – так не бросались в глаза ее неприятные угловатые очертания, – и легко массировал пальцем мешки под глазами.

Грегори успел подумать, что Сёренсен правильно поступил, избрав профессию, которая позволяет общаться главным образом с покойниками. Он чуть ли не с придворной вежливостью отвесил доктору поклон.

– Вы меня опередили, доктор. В зале прозекторской, откуда исчез труп, мы обнаружили открытое окно. То есть оно было прикрыто, но не заперто, словно кто-то через него вылез.

– Сперва этот кто-то должен был войти, – нетерпеливо бросил Сёренсен.

– Очень тонкое наблюдение, – отбрил его Грегори, но тут же пожалел о своем выпаде и оглянулся на главного инспектора, который невозмутимо молчал, словно ничего не слышал.

– Этот зал расположен на первом этаже, – продолжал Грегори после неловкой паузы. – Вечером окно было заперто, как и все остальные, таковы показания служителя. Он настаивает, что все окна были заперты. Говорит, что сам проверял, поскольку похолодало и он опасался, что батареи могут замерзнуть. Прозекторские обычно плохо отапливаются. Профессор Харви, заведующий кафедрой, наилучшего мнения об этом служителе. Профессор говорит, что человек он весьма педантичный и ему можно вполне доверять.

– В этой прозекторской есть где спрятаться? – спросил главный инспектор. Он оглядел собравшихся, как бы заново осознав их присутствие.

– Но... это, собственно говоря, исключено, господин инспектор. Для этого потребовалось бы сообщничество служителя. Кроме столов для производства вскрытия, там нет ника-

кой мебели, никаких темных углов и ниш. Есть шкафчики в стене для студенческих пальто и инструментов, но ни в одном из них не поместится даже ребенок.

– Это следует понимать дословно?

– Не понял?

– Ребенок, значит, не поместится? – спокойно поинтересовался Шеппард.

– Ну... – Грегори свел брови. – Ребенок, господин инспектор, поместился бы, но не старше семи-восьми лет.

– А вы измеряли эти шкафчики?

– Так точно, – последовал немедленный ответ. – Я измерил их все, так как подумал, что какой-то может оказаться большим, но такого нет. Ни одного. Кроме того, на других этажах есть туалетные комнаты, залы для учебных занятий, в подвале – холодильная камера и склад препаратов, а на втором этаже – комнаты ассистентов и кабинет профессора. Все эти помещения служитель обходит вечером, даже по несколько раз, такой уж он старательный. Об этом мне рассказывал профессор. Там никто не мог спрятаться.

– А если ребенок? – мягко подсказал главный инспектор. Он снял очки, как бы смягчая проницательность своего взгляда.

Грегори энергично помотал головой.

– Нет, это невозможно. Ребенок не отворил бы окна. Там большие, высокие окна с двумя задвижками, вверх и вниз, которые открываются рычагом. Вот, как здесь. – Грегори указал на окно, откуда проникало холодное дуновение ветра. – Рычаги поворачиваются с большим трудом, служитель даже жаловался на это. Впрочем, я и сам пробовал.

– Он обращал внимание на то, как тяжело они поворачиваются? – произнес Сёренсен со своей загадочной усмешкой, которую Грегори не выносил. Он предпочел бы обойти этот вопрос молчанием, но главный взирал на него выжидающе, поэтому он неохотно отозвался:

– Служитель сообщил мне об этом только тогда, когда я в его присутствии открывал и закрывал окна. Он не только педант, но и порядочный зануда. Брюзга, – выразительно подытожил Грегори, словно бы случайно глядя на Сёренсена. Он был доволен собой. – Впрочем, это естественно в таком возрасте, – добавил он примирительно. – Шестьдесят лет, склеро... – Он смешался и умолк. Главный инспектор был не моложе. Грегори отчаянно попытался что-нибудь придумать, но не сумел. Присутствующие сохраняли полную индифферентность. Он им это припомнит. Главный инспектор надел очки.

– Вы кончили?

– Так точно. – Грегори заколебался. – Собственно, это все. То есть, что касается этих трех случаев. При расследовании последнего я обратил особое внимание на сопутствующие обстоятельства, и прежде всего на движение той ночью в районе прозекторской. Констебли, которые несли службу на этом участке, ничего подозрительного не заметили. Начиная следствие, я весьма подробно изучил детали предыдущих происшествий: мне сообщил о них сержант Пил, да и сам я побывал во всех этих местах. Но не нашел ни одной нити, ни одного следа. Ничего, абсолютно ничего. Женщина, которая скончалась от рака, исчезла из морга при таких же обстоятельствах, что и тот рабочий. Утром явился кто-то из родных, а гроб пустой.

– Хорошо, – произнес главный инспектор, – благодарю вас. Вы можете продолжить, Фаркварт?

– Перейти к следующим? Слушаюсь, господин инспектор.

«Ему бы на флоте служить, он держится, как на поверке при подъеме флага, и так всю жизнь», – подумал Грегори. Ему захотелось вздохнуть.

– Через семь дней, девятнадцатого февраля, исчез труп молодого портового рабочего, погибшего в автомобильной катастрофе. У него случилось внутреннее кровоизлияние в результате прободения желудка. Операция, как утверждали врачи, прошла успешно, но он не выкарабкался. Труп исчез на рассвете. Нам удалось установить время с исключительной точ-

ностью, поскольку около трех утра скончался некий Бартон. Его сестра, с которой он жил в одном доме, так боялась оставаться наедине с покойником, что среди ночи подняла с постели владельца похоронного бюро. Словом, труп Бартона доставили в покойницкую ровно в три часа утра. Двое служащих бюро положили труп возле тела этого докера и...

– Вы хотели что-то добавить? – подбодрил его главный инспектор.

Фаркварт прикусил ус.

– Нет... – наконец произнес он.

Над зданием послышался протяжный, мерно нараставший гул авиационных моторов. Невидимый самолет пролетел на юг. Стекла отозвались тихим звоном.

– Дело в том, – решил Фаркварт, – что, укладывая доставленный труп, один из служащих отодвинул тело докера, потому что оно затрудняло ему подход. Так вот... он утверждает, что тело не было холодным.

– Хм, – поддакнул главный инспектор, словно речь шла о самой обычной вещи на свете. – Не было холодным. А как он определил это? Способны ли вы повторить его слова?

– Он сказал, что оно не было холодным. Это звучит идио... бессмысленно, но служащий стоял на своем. Он говорит, что сообщил об этом своему напарнику, но тот ничего не помнит. Грегори допрашивал их обоих, по отдельности, дважды...

Главный инспектор молча повернулся к Грегори.

– Этот служащий – очень болтливый и не внушающий особого доверия человек, – поспешил с пояснениями Грегори. – Такое создалось у меня впечатление. Тип из породы дураков, которые обожают привлекать к себе внимание и готовы в ответ на любой вопрос изложить всемирную историю. Утверждал, что это был летаргический сон «или еще того хуже» – по его выражению. Признаться, меня это удивило, ибо люди, профессионально работающие с трупами, в летаргический сон не верят, этому противоречит их опыт.

– А что говорят врачи?

Грегори молчал, уступая право голоса Фаркварту, а тот, словно недовольный тем, что пустяку уделяется столько внимания, произнес, пожав плечами:

– Смерть наступила накануне. Появились трупные пятна... посмертное окоченение... он был мертв, как камень.

– Что-нибудь еще?

– Да. Как и в предыдущих случаях, трупы были обряжены для похорон. Лишь труп Трейла, который исчез в Трикхилле, не был обряжен. Владелец похоронного бюро собирался заняться этим только на следующий день. Случилось так потому, что семья сразу не пожелала предоставить одежду. То есть забрала ее. А когда принесли другую, труп уже исчез...

– А в остальных случаях?

– Труп женщины также был обряжен. Той, которую оперировали.

– В чем она была?

– Ну... в платье.

– А туфли? – спросил главный инспектор так тихо, что Грегори подался вперед.

– Она была в туфлях.

– А последний труп?

– Последний?... Нет, он был не обут, но одновременно, похоже, исчезла занавеска, отделявшая небольшую нишу в глубине морга. Это было черное полотнище на металлических кольцах, которые перемещались по тонкому карнизу. На кольцах сохранились обрывки полотна.

– Оно было сорвано?

– Нет. Карниз тонкий и не выдержал бы резкого рывка. Это обрывок...

– Вы пытались сорвать его?

– Нет.

– Откуда же вам известно, что он не выдержал бы рывка?

– Ну так, на глаз...

Главный инспектор задавал вопросы спокойно, всматриваясь в стекло шкафчика, отражавшее прямоугольник окна. Делал он это, как бы размышляя о чем-то другом, однако вопросы сыпались быстро, так быстро, что Фаркварт едва успевал отвечать.

– Хорошо, – заключил главный инспектор. – Эти обрывки... их посылали на экспертизу?

– Так точно. Доктор Сёренсен...

Врач перестал массировать свой острый подбородок.

– Полотно было сорвано, или, вернее, перетерто с немалым трудом, а не отрезано. Это несомненно. Так, словно бы... его кто-то отгрыз. Я даже сделал несколько проб. Микроанализ это подтверждает.

Наступила краткая пауза. Издали донесся шум летящего самолета, приглушенный туманом.

– Кроме занавески еще что-нибудь исчезло? – спросил наконец главный инспектор.

Доктор поглядел на Фаркварта, тот кивнул.

– Да. Рулон пластыря, большой рулон пластыря, забытый на столике у входной двери.

– Пластырь? – повел бровями главный инспектор.

– Они пользуются им для поддержания подбородка... чтобы не отпадала челюсть, – пояснил Сёренсен. – Кладбищенская косметика, – добавил он с сардонической усмешкой.

– Это все?

– Да.

– Ну а труп в прозекторской? Он тоже был в одежде?

– Нет. Но этот вопрос... об этом случае уже докладывал Грегори.

– Я забыл сказать... – торопливо начал Грегори, чувствуя неловкость оттого, что его уличили в рассеянности. – Тело было без одежды, но служитель не досчитался одного медицинского халата и двух пар белых холщовых брюк, какими студенты пользуются летом. Не хватало также нескольких пар тапок на деревянной подошве. Правда, он говорил мне, что подобные вещи всегда пропадают, он подозревает, что прачка либо теряет, либо крадет их.

Главный инспектор глубоко вздохнул и стукнул очками о стол.

– Благодарю. Доктор Сисс, могу ли я теперь попросить вас?

Не меняя небрежной позы, Сисс буркнул что-то непонятное и продолжал торопливо делать какие-то записи, подложив под блокнот свой открытый портфель, который подпирал острым, высоко поднятым коленом.

Склонив набок птичью, уже лысеющую голову, он с шумом защелкнул портфель, сунул его под кресло, растянул тонкие губы, словно собираясь свистнуть, и встал, потирая распухшие, изуродованные артритом суставы рук.

– Приглашение моей особы я рассматриваю как полезное новшество, – произнес он высоким, срывающимся на фальцет голосом. – Я по привычке легко перехожу на лекторский тон. Это может вас не устраивать, но тут ничего не поделаешь. Всю эту серию случаев, о которой идет речь, я изучил, насколько было возможно. Классические методы расследования – коллекционирование следов и поиски мотивов – себя абсолютно не оправдали. Поэтому я прибег к статистическому методу. Что он дает? На месте преступления часто можно определить, какой факт имеет с ним связь, а какой нет. Например, очертания кровавых пятен рядом с телом убитого связаны с преступлением и могут многое сказать о развитии событий. А то, какие облака проплывали над домом в день убийства, кучевые или перистые, были перед домом алюминиевые телефонные провода или медные, можно считать несущественным. Что же касается нашей серии, то наперед вообще невозможно определить, какие сопутствующие факты были связаны с преступлением, а какие нет.

Если бы подобный случай оказался единственным, – продолжал Сисс, – наш метод не удалось бы применить. К счастью, их было больше. Разумеется, количество предметов и явле-

ний, в критический час находившихся или происходивших близ места происшествия, практически бесконечно. Но поскольку мы имеем дело с целой серией, следует основываться главным образом на тех фактах, которые сопутствовали всем или почти всем происшествиям. Итак, воспользуемся методом статистического сопоставления. Метод этот до сих пор почти не применялся при расследованиях, поэтому я рад продемонстрировать его сейчас вместе с первыми результатами.

Долговязый доктор Сисс, который до этого момента стоял за своим креслом, как за кафедрой, сделал несколько шагов к двери, неожиданно вернулся, склонил голову и продолжил, глядя в пространство между сидящими:

– Итак, во-первых. Прежде самого явления имела место стадия – назовем ее так условно – его предвестий. Трупы меняли положение. Одни переворачивались спиной вверх, другие на бок, третьи оказывались подле гроба на полу. Во-вторых, все исчезнувшие покойники, за одним исключением, – мужчины в расцвете сил. В-третьих, каждый раз, кроме первого случая, некто позаботился о каком-либо покрытии для тела. Дважды это была одежда, один раз, вероятно, медицинский халат и белые брюки, а еще раз – черная полотняная занавеска. В-четвертых, это всегда были трупы, не подвергавшиеся вскрытию, хорошо сохранившиеся и, как правило, не имевшие повреждений. Все случаи произошли до истечения тридцати часов с момента смерти. Эта деталь заслуживает внимания. В-пятых, все случаи, опять же за исключением одного, произошли в кладбищенских мертвецких маленьких городках, куда проникнуть обычно нетрудно. Сюда не вписывается только исчезновение тела из прозекторской.

Сисс обратился к главному инспектору:

– Мне необходим мощный рефлектор. Могу я получить нечто подобное?

Инспектор включил микрофон и тихо произнес несколько слов. В затянувшемся молчании Сисс неторопливо извлек из своего огромного, как мешок, кожаного портфеля многократно сложенный кусок кальки, покрытый цветными рисунками. Грегори смотрел на это со смешанным чувством неприязни и любопытства. Его раздражало высокомерие, которое выказывал ученый. Он погасил сигарету и тщетно пытался определить, что скрывает лист кальки, шелестящий в неловких руках Сисса.

Тот разложил кальку на столе, разгладил перед носом главного инспектора, словно не замечая его, подошел к окну и взглянул на улицу; при этом он держал пальцы одной руки на запястье другой, как бы измеряя себе пульс.

Дверь открылась, вошел полисмен с алюминиевым рефлектором на длинном штативе и вставил вилку в розетку. Сисс включил лампу, подождал, пока дверь за полисменом закроется, и направил круг света на большую карту Англии. Потом накрыл ее калькой. Поскольку карта не просматривалась сквозь матовую бумагу, он принялся передвигать рефлектор. Затем снял карту со стены и неловко пристроил ее на вешалке, которую передвинул из угла на середину комнаты. Рефлектор он поместил сзади, так что теперь свет насквозь просвечивал карту с наложенной на нее калькой, которую он держал в широко раздвинутых руках. Это была чрезвычайно неудобная поза – с раскинутыми и поднятыми вверх руками.

Сисс еще пододвинул вешалку ногой и замер. Повернув голову к слушателям, он наконец начал:

– Обратите внимание на местность, где происходили события.

Голос доктора зазвучал еще выше, возможно, из-за старательно маскируемых усилий.

– Первое исчезновение произошло в Трикхилле, шестнадцатого января. Прошу запомнить места и даты. Второе – двадцать третьего января – в Спиттоне. Третье – в Лоуверинге, второго февраля. Четвертое – в Броумли, двенадцатого февраля. Последний случай имел место в Льюисе, девятнадцатого февраля. Если за исходную точку принять место первого происшествия и обвести его кругами все больших радиусов, то мы констатируем то, что представляет рисунок на моей кальке.

Луч света мощно и выразительно ограничил часть Южной Англии, прилегающую к Ламаншу. Пять концентрических кругов включали пять населенных пунктов, обозначенных красными крестиками. Первый виднелся в центре, последующие располагались ближе к проведенным окружностям, вплоть до самой отдаленной.

Грегори просто измучился, ожидая признаков усталости у Сисса, чьи поднятые руки, державшие края карты, даже не дрожали.

– Если вы пожелаете, – резким голосом объявил Сисс, – то позже я могу представить подробности моих подсчетов. Сейчас же я сообщу только их результат. С каждой новой датой места происшествий смещались дальше от центра, то есть от места первого преступления. Проявляется и другая закономерность: интервалы времени между отдельными случаями все увеличиваются, правда, не в какой-то определенной пропорции. Если, однако, принять во внимание дополнительный фактор – температуру, то выявится некая новая закономерность, а именно: производная от времени между двумя происшествиями и разницы в удаленности двух очередных мест исчезновения трупов от центра остается величиной неизменной, если умножить ее на разницу температуры в обоих случаях...

Таким образом, – продолжал после паузы Сисс, – мы получим постоянную величину от пяти до девяти сантиметров на секунду и на градус. Я говорю: от пяти до девяти, поскольку точное время исчезновения ни в одном из случаев установлено не было. Мы всегда имеем дело с широким, многочасовым промежутком времени в течение ночи, либо, точнее, во второй половине ночи. Если за реальную величину константы примем среднее – семь сантиметров, то тогда после выполнения подсчетов, которые я произвел, поражает любопытная вещь. Причина явления, которое равномерно перемещалось от центра к окружности этого района, находится не в Трикхилле, но смещается в западном направлении, к населенным пунктам Танбридж-Уэлс, Энгендер и Диппер... то есть туда, где кружили слухи о переворачивании трупов. Если же решиться на эксперимент и попытаться совершенно четко локализовать геометрический центр явления, то он окажется отнюдь не в морге, а в восемнадцати милях на юго-запад от Шелтема – в районе болот и пустошей Чинчесс...

Инспектор Фаркварт, который слушал это резюме, багровея от гнева, не выдержал.

– Вы хотите тем самым сказать, – взорвался он, – что из этих проклятых болот вылез какой-то невидимый дух, который, проплывая по воздуху, поочередно похищал один труп за другим?!

Сисс медленно сворачивал свой рулон. Худой и черный на фоне зеленовато светящейся карты, просвечиваемой рефлектором, он больше чем когда-либо смахивал на птицу – болотную, подумал Грегори. Он старательно упрятал кальку в свой бездонный портфель, распрямился и вдруг, покрывшись красными пятнами, холодно взглянул на Фаркварта.

– Я ничего не хочу сказать, кроме того, что вытекает из статистического анализа, – заявил он. – Существуют связи близкие, например между яйцами, копченой грудинкой и желудком, а также связи отдаленные, менее очевидные, например между политическим режимом в стране и средним возрастом вступающих в брак. Всегда, однако, можно вести речь об определенной корреляции, дающей основания для разговора о следствиях и причинах...

Большим, аккуратно сложенным носовым платком он вытер мелкие капельки пота на верхней губе, спрятал платок в карман и продолжал:

– Эту серию случаев трудно объяснить. Следует воздержаться от всякой предвзятости. Если предвзятость будет проявлена с вашей стороны, мне придется отказаться от этого дела, как и от сотрудничества со Скотленд-Ярдом.

Он выждал с минуту, как бы в надежде, что кто-то поднимет брошенную перчатку, после чего, подойдя к стене, погасил рефлектор. Стало почти совсем темно. Сисс долго нащупывал выключатель, водя рукой по стене.

Вспыхнувший под потолком свет совершенно преобразил комнату. На вид она сделалась меньше, а ослепленный, моргающий главный инспектор вдруг напомнил Грегори его старого дядюшку. Сисс вернулся к карте.

– Когда я приступил к исследованиям, с момента первых двух происшествий прошло уже столько времени, или же, что вернее, полиция уделила им в своих отчетах так мало внимания, что точная реконструкция фактов, позволяющая установить, что происходило час за часом, оказалась невозможной. Поэтому я ограничился тремя остальными случаями. Во всех трех случаях стоял туман, причем два раза густой, а один раз – чрезвычайно густой. Кроме того, в радиусе нескольких сотен метров проезжали различные автомобили – не было, правда, никаких подозрительных, но я не очень понимаю, в чем надо было их подозревать. Ведь никто не отправился бы на такое дело в автомобиле с надписью «перевозка украденных трупов». Машину можно было бы, вероятно, оставить на весьма значительном расстоянии от места похищения. Наконец, я узнал, что во всех трех случаях в сумерках – напоминаю, что исчезновение всегда происходило ночью, – поблизости замечены... – Сисс сделал короткую паузу и тихим, но отчетливым голосом закончил: – ... какие-то домашние животные, которых там обычно не встречали, по крайней мере мои собеседники их раньше там не видели. Дважды это были коты, один раз собака.

Послышался короткий смешок, неловко прикрытый имитацией кашля. Смеялся Сёренсен. Фаркварт не пошевелился, не отозвался, даже когда Сисс отпускал сомнительные шуточки относительно подозрительных автомашин.

Грегори перехватил мгновенный взгляд, который главный инспектор бросил на Сёренсена. В нем не было ни упрека, ни даже суровости, лишь физически ощутимая тяжесть.

Доктор кашлянул еще раз, затем воцарилась тишина. Сисс поглядывал в темнеющее окно над их головами.

– Статистический вес последнего наблюдения на вид незначителен, – продолжал он, все чаще срываясь на фальцет. – Я убедился, однако, что в этих окрестностях бездомные собаки и кошки практически не встречаются. Кроме того, одно из этих животных – а именно собаку – обнаружили сдохшим на четвертый день после исчезновения трупа. Приняв это к сведению, я позволил себе в последнем случае, когда вечером неподалеку от места происшествия видели кота, объявить награду за нахождение останков этой твари. Сегодня утром мне сообщили данные, сделавшие меня беднее на пятнадцать шиллингов. Кот валялся в кустарнике под снегом, его нашли школьники примерно в двухстах шагах от кладбищенского морга.

Сисс не спеша подошел к окну, как бы желая выглянуть во двор, но там уже ничего не было видно, кроме одинокого тусклого уличного фонаря, раскачивавшегося при порывах ветра.

Он долго молчал, кончиками пальцев поглаживая лацкан своего слишком просторного пиджака.

– Вы закончили, доктор?

На голос Шеппарда Сисс обернулся. Слабая, почти мальчишеская улыбка внезапно преобразила его личико, на котором все черты были непропорциональными: мелкие подушечки щек под серыми глазами, срезанная челюсть, отчего казалось, будто у него нет подбородка...

«Ведь он же просто мальчишка, вечный юноша... и такой милый», – с изумлением подумал Грегори.

– Я хотел бы сказать еще два слова, но потом, в качестве заключения, – произнес Сисс и возвратился на свое место.

Главный инспектор снял очки. У него были утомленные глаза.

– Хорошо. Фаркварт, прошу. Вы можете что-то сказать по этому делу?

Фаркварт отозвался с неохотой:

– По правде говоря, немного. Я по старинке размышлял над всей этой серией, как называет ее доктор Сисс. Думаю, что по крайней мере некоторые слухи должны соответствовать истине. Вопрос, пожалуй, ясен – преступник пытался в Шелтеме или где-то еще похитить труп, но его спугнули. Ему удалось это сделать только в Трикхилле. Тогда он был еще новичком, похитил обнаженный труп. Видимо, он не сориентировался, что транспортировка в подобном виде неизбежно создаст значительные трудности, во всяком случае большие, нежели перевозка не так бросающихся в глаза трупов в одежде. Именно поэтому он изменил тактику, позаботившись об одеянии. Кроме того, выбор трупов не был вначале оптимальным – я имею в виду то, что доктор Сисс определил как поиски тела в хорошем состоянии. В морге в Трикхилле находился еще труп молодого человека, чье тело сохранилось лучше, чем то, которое исчезло. Вот, пожалуй, и все...

Остается мотивация преступления, – продолжил он несколько секунд спустя. – Мне видятся такие варианты: некрофилия, безумие или действие какого-нибудь, скажем так, ученого. Думаю, что оценку мотивов лучше даст доктор Сёренсен.

– Я не психолог и не психиатр, – почти презрительно бросил врач. – Некрофилию, во всяком случае, можно исключить. Ею страдают исключительно личности с тяжелой формой дефективности, дебилы, кретины, наверняка неспособные планировать какую-либо сложную акцию. Это не подлежит сомнению. Далее, по моему мнению, следует исключить сумасшествие. Тут ничего случайного, слишком большая скрупулезность, никаких проколов – такой логики в действиях сумасшедшие вообще не обнаруживают.

– Паранойя? – вполголоса предположил Грегори. Врач недовольно поглядел на него. С минуту он, казалось, с сомнениями дегустировал это слово на кончике языка, потом скривил свои тонкие лягушачьи губы.

– Нет. То есть я так не думаю, – сгладил он категоричность своего возражения. – Безумие, простите, это не мешок, в который можно сваливать все людские поступки с непонятными для нас мотивами. У безумия имеется своя структура, своя логика поведения. Если уж на то пошло, нельзя исключить возможности, что какой-то тяжелый психопат, да, психопат, именно психопат мог бы оказаться виновником. Это единственная возможность...

– Психопат со склонностями к математике, – заметил, словно бы неохотно, Сисс.

– Как вы это понимаете? – Сёренсен заглядывал в лицо Сиссу с глуповато-насмешливой улыбкой, в которой было нечто оскорбительное. Он не успел закончить.

– Ну, психопат, который прикинул, как будет забавно, если производное от разницы в расстоянии и времени между очередными случаями, помноженное на разницу температур, окажется некоторой постоянной, константой.

Сёренсен нервным движением погладил себя по колену, потом принялся барабанить по нему пальцами.

– Почему я знаю. Можно множить и делить про себя разные вещи, длину тростей и ширину шляп, например, и из этого будут образовываться разные постоянные или переменные.

– Вы считаете, что тем самым высмеиваете математику? – начал Сисс. Видно было, что у него на языке вертится какое-то острое словцо.

– Простите. Я хотел бы услышать ваше мнение о третьем возможном мотиве. – Шеппард снова поглядел на Сёренсена.

– Об этом ученом? Который похищает трупы? Нет. Откуда! Что вы! Ученый, который ставит эксперименты на трупах? Ни за что на свете! Идея из третьеразрядного фильма. Зачем красть труп, когда можно достать его в какой-нибудь прозекторской, и к тому же безо всяких трудностей, или же выкупить у семьи? Такие вещи бывают. Кроме того, ни один ученый не работает теперь в одиночку, и, если бы даже он похитил труп, не знаю только зачем, ему не удалось бы скрыть этого от коллег, сотрудников. Подобный мотив можно преспокойно исключить.

– Что же, по вашему мнению, остается? – спросил Шеппард. Его аскетическая физиономия не выражала ничего.

Грегори поймал себя на том, что беззастенчиво рассматривает своего начальника, словно изучает какое-то изображение. «Он и вправду таков или таким сделали его усталость и опыт?» – подумалось ему.

Он размышлял среди тяжелого, неприятного молчания, которое воцарилось после слов главного инспектора. В темноте за окнами опять раздался рев авиационных двигателей, взмыл басовитым грохотом вверх и стих. Стекла дрожали.

– Психопат или ничто, – неожиданно произнес доктор Сисс. Он улыбался, он действительно был в хорошем настроении. – Как справедливо заметил доктор Сёренсен, действия психопата обычно выглядят иначе, их отличают импульсивность, недомыслие, вызванные эмоциональным сужением поля внимания, просчеты. Словом, нам остается – ничто. Это означает, что такого не могло произойти.

– Вы чересчур остроумны, – буркнул Сёренсен.

– Господа, – отозвался Шеппард, – меня удивляет снисходительное отношение к нам со стороны прессы. Это следовало приписать, как я думаю, ближневосточному конфликту. Общественное мнение было поглощено им, но это до поры до времени. В настоящий момент мы можем ждать нападок на Скотленд-Ярд. Итак, что касается чисто формальной стороны – расследование должно продолжаться. Я хотел бы знать, что уже сделано, и, в частности, какие шаги предприняты для обнаружения похищенных трупов.

– Это дело инспектора Грегори, – сказал Фаркварт. – Он получил от нас полномочия две недели назад и с тех пор всем занимается сам.

Грегори поддакнул, делая вид, что не уловил в этих словах скрытого упрека.

– После третьего случая, – сказал он, – мы прибегли к самым радикальным мерам. Сразу после получения рапорта об исчезновении трупа мы блокировали район в радиусе почти ста километров, ведя розыски всеми местными силами, задействовали дорожные, авиационные патрули, кроме того, мы вызвали из Лондона два отряда машин с рациями – с тактическим центром в Чичестере. Все перекрестки, железнодорожные переезды, заставы, выезды на автострасы и дороги из заблокированного района находились у нас под контролем – все напрасно. Мы задержали пять человек, разыскиваемых по другим делам, но, что касается нашего, тут результатов никаких. Я хотел бы обратить внимание на последний случай. Блокада района в радиусе ста километров крайне обременительна и не дает стопроцентной гарантии, что ячейки сети достаточно малы, чтобы исключить возможность исчезновения виновника. Вполне вероятно, что в предыдущих случаях, то есть во втором и третьем, преступник покинул оцепленный район прежде, чем его блокировали наши посты. Потому что в его распоряжении было достаточно времени, один раз едва ли не шесть, а во второй раз около пяти часов. Я, естественно, думаю, что он располагал машиной. Однако в последнем случае исчезновение произошло в интервале от трех до четырех пятидесяти утра. В распоряжении преступника имелся максимум час сорок пять минут, чтобы успеть скрыться. Так вот, это была типично мартовская ночь с бурей и метелью, сменившимися вечерний туман, все дороги вплоть до следующего полудня были заметены и завалены сугробами. Преступник вынужден был, очевидно, воспользоваться мощным трактором. Говорю это вполне ответственно, поскольку у нас возникли неслыханные трудности с вытягиванием наших патрульных машин, как местных, так и тех, которые спешили по нашему вызову из района Большого Лондона: мы использовали резерв уголовно-следственного отдела.

– Итак, вы утверждаете, что ни одна машина не могла выбраться на юг из района Льюиса?

– Да.

– А сани?

– Технически это было бы возможно, но не в то время, которым располагал преступник. Ведь сани не пройдут больше пятнадцати километров в час, а по такому снегу скорость и того меньше. Даже на самых лучших лошадях он не сумел бы прорваться на юг из кольца радиусом в восемьдесят километров.

– Хорошо, инспектор, но ведь вы сами говорили, что такая блокада района не дает абсолютной уверенности, – мягко произнес Шеппард. – Стопроцентный контроль – всего лишь идеал, к которому мы стремимся...

– Он же мог унести труп в мешке, следуя пешком напрямик, полями, – заметил Фаркварт.

– Смею утверждать, что это невозможно, – сказал Грегори. Он хотел сохранить спокойствие, но чувствовал, что неудержимо краснеет. У него появилось настойчивое желание подняться, и он едва сдержал себя.

– В шесть утра ни один экипаж не мог выехать из зоны оцепления, ручаюсь, – заявил он. – Через снежные заносы мог в крайнем случае пробиться пеший, но не с таким грузом, как тело взрослого человека. Скорее всего он бы бросил его...

– Возможно, и бросил, – заметил Сёренсен.

– Я думал и об этом. Мы прочесали все окрестности, нашу задачу облегчила оттепель, которая наступила как раз под утро. Но мы ничего не обнаружили.

– Ваши рассуждения не столь безупречны, как вам кажется, – внезапно вмешался в беседу Сисс. – Во-первых, вы не нашли дохлого кота, что обязательно произошло бы, если бы вы вели достаточно скрупулезные поиски...

– Простите, но мы разыскивали труп человека, а не дохлую кошку, – сказал Грегори.

– Хорошо. Слишком много, однако, возможностей спрятать труп в таком обширном районе, чтобы можно было заявлять, что его там наверняка нет.

– Похититель мог также закопать тело, – добавил Фаркварт.

– Украл, чтобы закопать? – с невинной миной спросил Грегори.

Фаркварт фыркнул:

– Мог закопать, видя, что удрать не удастся.

– А откуда ему знать, что удрать не удастся? Ведь мы не объявляли по радио, что дороги перекрыты, – отрезал Грегори. – Разве что у него был информатор или если он сам – сотрудник полиции.

– А это очень даже недурная мысль, – улыбнулся Сисс. – Кроме того, господа, вы не исчерпали всех возможностей. Есть еще вертолет.

– Ну, это нонсенс. – Доктор Сёренсен не скрывал пренебрежения.

– Почему? Разве в Англии нет вертолетов?

– Доктор считает, что у нас проще с психопатами, чем с вертолетами, – заметил Грегори и удовлетворенно улыбнулся.

– Простите, но на такой разговор мне жаль тратить время.

Сисс снова открыл свой портфель, извлек из него толстую машинописную рукопись и, вооружившись ручкой, начал ее просматривать.

– Джентльмены! – Голос Шеппарда заставил всех замолчать. – Тот факт, что преступник мог ускользнуть из оцепленного района, нельзя сбрасывать со счетов. Это вы, коллега Грегори, должны учитывать и на будущее. Что касается вертолета... прибережем его на крайний случай, попозже...

– Как и разную пададь, – добавил Сёренсен.

Сисс не отозвался, как бы погрузившись в рукопись.

– Поиски трупов следует продолжать, – говорил Шеппард. – Надо планировать эту акцию широко, распространить ее на портовые города. Деликатный контроль судов, особенно мелких посудин, не будет напрасным. Кто-нибудь из вас хочет еще что-то сказать? Имеется еще какая-нибудь гипотеза? Какая-то идея? Может быть, даже слишком смелая?

– Мне кажется, нельзя... – одновременно начали Грегори и Фаркварт. Они поглядели друг на друга и замолчали.

– Я вас слушаю...

Никто не отозвался. Зазвонил телефон. Шеппард отключил его и поглядел на собравшихся. Табачный дым синеватым облачком расплзался под лампой. С минуту царило молчание.

– Ну, тогда скажу я, – произнес Сисс. Он аккуратно сложил и спрятал в портфель свою рукопись. – Я применил константу распространения явления, о которой упоминал, чтобы предугадать дальнейшее развитие событий.

Он поднялся и красным карандашом заштриховал на карте зону, охватывающую часть графств Сассекс и Кент.

– Если следующий случай произойдет в промежутке между нынешним днем и концом будущей недели, то случится это в секторе, границы которого образуют на севере предместья Ист-Уикэм, Кроудон и Сорбитон, на западе – Хоршем, на юге – прибрежная полоса Ла-Манша, а на востоке – Ашфорд.

– Очень большая территория, – с сомнением пробурчал Фаркварт.

– Вовсе нет, поскольку необходимо исключить из нее весь внутренний круг, в котором имели место предыдущие случаи. Явление характеризуется центробежной экспансией, следовательно, остается лишь закругленная полоса шириной в тридцать пять километров. В этом районе около семнадцати больниц и, сверх того, свыше ста шестидесяти небольших кладбищ. Это все.

– И вы... вы уверены, что это произойдет? – выпалил Сёренсен.

– Нет, – после долгого молчания ответил Сисс, – уверенности у меня нет. А если это не случится, если это не случится...

С ученым творилось нечто странное: все взирали на него с удивлением, видя, как он весь дрожит, покуда неожиданно голос у него не сорвался, совсем как у юноши. Сисс громко фыркнул. Да-да, он хохотал до упаду, развеселившись от какой-то мысли, не обращая внимания на мертвую тишину, с какой восприняли его безудержную веселость слушатели.

Он извлек из-под стула портфель, склонил голову в легком поклоне и, все еще поводя плечами, быстрым, преувеличенно длинным шагом вышел из кабинета.

Глава II

Сильный ветер разогнал тучи, и над домами загорелась желтоватая вечерняя заря. Фонари поблекли, свежий снег темнел и таял на тротуарах и мостовой. Грегори шел быстро, засунув руки в карманы плаща, не глядя на прохожих. У перекрестка он остановился и с минуту потоптался на месте, переступая с ноги на ногу, – он замерзал на холодном, перенасыщенном влагой ветру. Досадуя на собственную нерешительность, свернул налево.

Совещание закончилось безрезультатно почти тотчас же после ухода Сисса. Шеппард даже не решил, кто поведет дело дальше.

Грегори почти не знал главного инспектора, он видел его пятый или шестой раз в жизни. Ему было известно, какими способами можно завоевать внимание начальства, но он не пользовался ими в своей недолгой карьере детектива. Однако сейчас он жалел о своем низком звании. Оно значительно уменьшало его шансы на руководство расследованием.

Прощаясь, Шеппард поинтересовался, что он намерен предпринять. Грегори ответил, что не знает. Это был честный ответ, но подобная искренность обычно не окупается.

Не воспринял ли Шеппард его слова как проявление умственной ограниченности или даже развязности?

А что за его спиной сказал о нем главному Фаркварт? Вероятно, охарактеризовал его не лучшим образом. Грегори стремился убедить себя, что ему это только льстит, ибо чего стоило суждение Фаркварта?

От его заурадной особы Грегори перенесся мыслями к Сиссу. Это действительно был человек неординарный. Грегори мало что слышал о нем.

Во время войны доктор работал в оперативном отделе Генерального штаба и, как утверждают, на его счету было несколько достижений. Через год после войны он с треском вылетел оттуда. Якобы за то, что нагрубил какой-то большой шишке, чуть ли не самому маршалу Александеру. Славился он тем, что вооружал против себя всех сотрудников. Поговаривали, что он черств, зловреден, начисто лишен такта и чуть ли не с детской прямолинейностью говорит другим, что о них думает.

Грегори прекрасно понимал, какого рода неприязнь к себе вызывает ученый. Он хорошо помнил собственное замешательство во время выступления Сисса, поскольку ничего не мог противопоставить его логическим выводам. Вместе с тем он испытывал уважение к высокому уровню интеллекта, который ощущал в этом человеке, напоминавшем птицу со слишком маленькой головкой.

«Надо будет этим заняться», – подвел он итог своим размышлениям, не уточняя, в чем, собственно, будет состоять его занятие.

День быстро угасал, зажигались витрины. Улица сужалась, это был очень старый, пожалуй, со времен Средневековья не перестраивавшийся закоулок центра, с темными, неуклюжими домами, в которых сияли неестественно большие прозрачные застекленные ящики новых магазинов.

Он вошел в пассаж, чтобы сократить путь. У входа виднелся узкий слой неметеного снега; Грегори удивился, что снег не успели затоптать. Одинокая женщина в красной шляпке осматривала одетые в бальные платья манекены с восковыми улыбками. Далее пассаж делал плавный поворот, на сухой бетон ложились лиловые и белые квадраты витринных огней.

Грегори зашагал медленнее, забыв о том, где находится. Ему вспомнился смех Сисса, и Грегори пытался разгадать его причину. Он хотел точно воспроизвести в памяти звучание этого смеха, это показалось ему важным. Сисс не был, вопреки производимому впечатлению, любителем внешних эффектов; заносчивым был наверняка, поэтому смеялся скорее всего своим мыслям и только по одному ему известному поводу.

Из глубины пустого пассажа навстречу Грегори шел человек. Высокий, худой, он поводил головой, как бы беседуя сам с собою. Грегори был слишком погружен в свои мысли, чтобы наблюдать за ним, но автоматически сохранял его в поле зрения. Прохожий был уже совсем близко. Вокруг становилось темнее, в трех лавках огни не горели, витрины четвертой оказались заляпаны известкой – ремонт. Только там, откуда шел одинокий прохожий, светились несколько больших витрин.

Грегори поднял голову. Человек сбавил шаг, продолжая идти, но медленнее. Оба оставались одновременно на расстоянии нескольких шагов. Грегори еще не очнулся от своих мыслей, поэтому, хотя он и смотрел на высокую фигуру стоящего напротив мужчины, лица его не видел. Он сделал еще шаг, тот поступил точно так же.

«Что ему надо?» – подумал Грегори. Они исподлобья поглядывали друг на друга. У того было плохо различимое в тени широкое лицо, претенциозно надвинутая на лоб шляпа, слишком короткий плащ, так неловко стянутый поясом, что его конец обматывал пряжку. С этой пряжкой было что-то не в порядке, но у Грегори хватало собственных забот. Он двинулся, желая обойти встречного, но тот загородил ему путь.

– Слушай, ты... – гневно начал Грегори и запнулся.

Незнакомец был он сам. Грегори стоял перед большим зеркалом, которое как стена замыкало весь пассаж. По ошибке он свернул в тупик, накрытый стеклянной крышей.

Он еще немного поглядел на собственное отражение с утасоющим ощущением, что наблюдает за кем-то посторонним. Смуглая, не очень осмысленная физиономия с волевой челюстью... А возможно, это был вовсе не признак воли, а упрямства, ослиного упрямства – так он иногда думал.

– Насмотрелся? – буркнул он, повернулся на каблуках и направился к выходу, испытывая смущение, словно его одурачили.

На полпути он поддался неразумному импульсу и оглянулся. «Тот» тоже остановился, далеко, между освещенными пустыми лавками, и почти сразу двинулся в глубь улочки по каким-то делам зеркального мира. Грегори с раздражением поправил пояс на пряжке, сдвинул шляпу со лба и вышел на улицу.

Следующий пассаж вывел его прямо к «Европе». Швейцар распахнул стеклянные двери. Грегори пробрался между столиками к лиловым огням бара. Он был так высок, что ему не требовалось становиться на цыпочки, чтобы сесть на трехногий табурет у стойки.

– «Белая лошадь»? – спросил бармен. Грегори кивнул.

Стаканчик звякнул о стойку, словно в нем был спрятан стеклянный колокольчик. Грегори отпил глоток, лишний раз убедившись, что «Белая лошадь» отдает сивухой и дерет в горле. Грегори не выносил этот сорт виски. Но так получилось, что несколько раз подряд он навещался в «Европу» с юным Кинси и пил с ним именно «Белую лошадь»; с тех пор бармен почитал его постоянным посетителем и не забывал о его пристрастиях. Грегори встречался с Кинси, чтобы покончить с обменом квартиры. Он предпочитал подогретое пиво, но стыдился заказывать его в таком шикарном ресторане.

Он завернул сюда просто потому, что ему не хотелось возвращаться домой. Он собирался за рюмкой виски выстроить все известные факты серии в единую конструкцию, но не смог вспомнить ни одной фамилии, ни одной даты.

Резко запрокинув голову, Грегори опорожнил стопку.

Вздрыгнул. Бармен что-то говорил ему.

– Что? Что?

– Не хотите поужинать? У нас сегодня дичь, время подходящее.

– Дичь?

Он ни слова не понимал.

– А, ужин? – наконец дошло до него. – Нет. Налейте еще.

Бармен кивнул. Он мыл стаканы под никелированными кранами, грохоча так, словно жаждал разбить их вдребезги. Глаза его на покрасневшей одутловатой физиономии сузились, он зашептал:

– Вы кого-то ждете?

Рядом никого не было.

– Нет. А в чем дело? – добавил Грегори резче, чем намеревался.

– Нет, ничего, я думал, что вы... по службе, – буркнул бармен и отошел в другой угол. Кто-то осторожно тронул Грегори за плечо, он молниеносно обернулся, не в силах скрыть разочарования: перед ним стоял официант.

– Простите... Инспектор Грегори? Вас к телефону.

Ему пришлось пробираться сквозь толпу танцующих, его толкали, он старался идти как можно быстрее. В кабине было темно: перегорела лампочка. Он стоял в темноте, сквозь круглое оконце падало пятно менявшего оттенки света.

– Слушаю, у телефона Грегори.

– Говорит Шеппард.

На звук отдаленного голоса сердце его отозвалось одним сильным ударом.

– Грегори, я хотел бы с вами увидеться.

– Слушаюсь, господин инспектор. Когда мне...

– Предпочел бы не откладывать встречу. У вас есть время?

– Конечно. Я приеду. Завтра?

– Нет. Сегодня, если можете. Вы можете?

– Да, разумеется.

– Это хорошо. Вы знаете, где я живу?

– Нет, но я могу...

– Уолхэм, восемьдесят пять. Это в Пэддингтоне. Вы можете приехать немедленно?

– Да.

– Может быть, вам удобнее через час или через два?

– Нет, могу сейчас.

– Я жду.

Звякнула положенная на рычаг трубка. Грегори в оцепенении глядел на телефонный аппарат. Господи, откуда Шеппарду стало известно об этой несчастной «Европе», где он давал выход своему грошовому снобизму? Неужели он названивал ему по всем телефонам, неужели он так его разыскивал? При одной мысли об этом его бросило в жар. Он вышел из ресторана и бросился бегом к подъезжавшему автобусу.

От остановки требовалось пройти порядочный отрезок пути, петляя по тихим улочкам. Наконец он очутился в переулке, где вовсе не было больших каменных домов. В лужах дрожало отражение газовых фонарей. Он не предполагал, чтобы такой заброшенный уголок мог скрываться в самом сердце этого района.

Возле дома за номером восемьдесят пять ему пришлось удивиться еще раз. В саду за высокой стеной возвышалось массивное строение, значительно отдаленное от остальных, погруженное во тьму и как бы вымершее. Внимательно приглядевшись, он различил слабый свет в крайнем окне на первом этаже.

Калитка открылась тяжело, со скрипом. Он передвигался почти на ощупь: стена отсекала свет уличного фонаря. Плоские, неровные каменные плиты вели к подъезду. Прежде чем ступить, Грегори нащупывал их ногой. Вместо звонка на черной двери торчала отполированная рукоятка. Он дернул ее не очень сильно, словно боясь нашуметь.

Ждал довольно долго. Изредка подавала голос невидимая водосточная труба, по мокрому асфальту на перекрестке шелестели колеса машин. Дверь открылась бесшумно. На пороге стоял Шеппард.

– Вы уже здесь. Прекрасно. Прошу.

В холле было темно. В глубине пробивался слабый, уходивший вверх отблеск – лестница в полосе света. Двери на первом этаже распахнуты, перед ними было устроено нечто вроде небольшой передней. Что-то взидало на Грегори сверху пустым, черным взглядом, оказалось – едва различимый череп какого-то животного, маячили только глазницы посреди желтоватых очертаний кости.

Грегори снял плащ и вошел в комнату. Прогулка во мраке так обострила зрение, что, войдя в комнату, он вынужден был зажмуриться.

– Садитесь, прошу вас.

Комната оказалась почти пустой. Рефлектор мощной лампы, горевшей на столе, был обращен вниз, прямо на открытую книгу.

– Садитесь, – повторил главный инспектор. Это прозвучало как приказ. Грегори осторожно сел. Теперь он находился так близко от источника света, что почти ничего не видел. На стенах неясно темнели пятна каких-то картин, под ногами он ощутил мягкий ковер. Кресло было неудобным, но годилось для работы за громадным письменным столом. Напротив стоял длинный стеллаж с книгами. В середине матовым бельмом отсвечивал телевизор.

Шеппард подошел к столу, извлек из-под книг черную жестяную коробку с сигаретами и пододвинул гостю. Сам он тоже закурил и начал расхаживать от двери к окну, скрытому за тяжелой коричневой гардиной. Молчание затянулось, так что Грегори даже устал следить за маячившей фигурой шефа.

– Я решил поручить это дело вам, – неожиданно отозвался Шеппард, не прерывая ходьбы.

Грегори не знал, что сказать. Он чувствовал действие спиртного и глубоко затянулся сигаретой, словно дым мог его отрезвить.

– Вы будете вести дело один, – продолжал непререкаемым тоном Шеппард. Не переставая ходить, он искоса взглянул на Грегори, сидевшего в освещенном лампой круге.

– Я выбрал вас не из-за особенного следственного дара, так как у вас его нет. Педантом вас тоже не назовешь. И это не беда. Но вы лично увлечены проблемой. Не так ли?

– Да, – отозвался Грегори. Ему показалось, что его сухой, решительный ответ прозвучал хорошо.

– У вас есть какая-нибудь собственная концепция этого дела? Абсолютно личная, которую вы не пожелали изложить сегодня у меня в служебном кабинете?

– Нет. То есть... – Грегори колебался.

– Слушаю.

– Это ни на чем не основанное впечатление, – отозвался Грегори. Он говорил с неохотой. – Мне кажется, в этой истории речь идет не о трупах. То есть это означает, что им отведена определенная роль, но не в них дело.

– А в чем?

– Этого я не знаю.

– В самом деле?

Голос главного инспектора был упрям, тон почти веселый. Грегори пожалел, что не может увидеть его лица. Это был совершенно иной Шеппард, не тот, которого он изредка видел в Скотленд-Ярде.

– Думаю, дело грязное, – выпалил вдруг Грегори, словно разговаривал с приятелем. – В нем есть что-то подлое. Речь не о том, что оно крайне сложно. Там есть детали, которые невозможно связать не потому, что такое физически невыполнимо, но потому, что возникает психологический абсурд, и притом настолько немыслимый, что заходишь в тупик.

– Да, да, – тоном внимательного слушателя вторил ему Шеппард, продолжая расхаживать. Грегори уже не провожал его взглядом. Не отрывая глаз от бумаг, он говорил все более запальчиво.

– Идея умопомешательства, мании, психопатии в качестве подоплеку всей этой истерии напрашивается сама собой. Как ни верти, как ни старайся этого избежать, постоянно возвращаешься к тому же самому. Это, собственно, единственный якорь спасения. Но так только кажется. Маньяк? Допустим. Но эта шкала и эта железная логика – не знаю, понимаете ли вы! Если бы, войдя в какой-нибудь дом, вы обнаружили, что все столы и стулья сделаны с одной ножкой, вы могли бы утверждать: это дело рук безумца. Какой-то сумасшедший так меблировал свою квартиру. Но если ходишь из дома в дом и всюду, по всему городу видишь одно и то же?.. Я не знаю, что все это значит, но это не мог, не может быть безумец. Это скорее противоположный полюс. Кто-то такой, кто дьявольски умен. Только свой разум он употребил на непостижимое дело.

– А дальше?.. – тихо спросил Шеппард, как бы боясь остудить пыл, все заметнее охватывавший Грегори.

Молодой человек отозвался после минутного молчания:

– Дальше... крайне мерзкие вещи. Крайне мерзкие. Серия действий без единого промаха – это ужасно, это... это меня ужасает. Это противоречит человеческой природе. Так люди не поступают. Люди ошибаются, время от времени вынуждены допускать просчеты, они теряются, оставляют следы, бросают начатое. Эти трупы поначалу, те... передвижения, как это именуется, я не верю в утверждение Фаркварта, что виновника вспугнули и тот сбежал. Ничего подобного. Он тогда хотел только передвинуть. Сначала немного. Потом больше. Потом еще больше – пока это первое тело вовсе не исчезло. Так должно было быть, он так решил поступить. Я думал, и все время думаю, зачем... но не знаю. Ничего не знаю.

– Вам известно дело Лапейро? – спросил Шеппард. Он стоял, едва различимый в глубине комнаты.

– Лапейро? Тот француз, который...

– Да, это было в 1909 году. Вам знакомо это дело?

– Что-то крутится в голове, но не припоминаю. О чем шла речь?

– О переизбытке улик. Так это называли, не совсем удачно. На берегу Сены какое-то время находили пуговицы от одежды, сложенные в виде различных геометрических фигур. Пряжки от ремешков, от подтяжек. Мелкие монеты, сложенные многоугольниками, кругами. Самым различным образом. Носовые платки, заплетенные в косички.

– Минутку. Я припоминаю. Мне доводилось где-то читать об этом. Двое стариков, которые в мансарде... да?

– Да. Именно эта история.

– Они выискивали молодых людей, которые собирались покончить жизнь самоубийством, отговаривали их, утешали, приглашали к себе и просили рассказать, что привело их к мыслям о самоубийстве. Так обстояло дело, не правда ли? А потом... душили их. Так?

– Более или менее. Один из них был химиком. Убитых раздевали, от тел избавлялись с помощью концентрированных кислот и печки, а пуговицами, пряжечками и всеми мелочами, которые оставались от пропавшего без вести, они забавлялись, вернее, задавали загадки полиции.

– Я не понимаю, почему вы об этом вспомнили. Один из этих убийц был сумасшедшим, а второй являлся жертвой так называемой *folie à deux*¹. Безвольный тип, подчиненный индивидуальности первого. Пуговичные ребусы они придумали потому, что их это возбуждало. Дело, возможно, было сложным для разгадки, но по своей сути – тривиальным: были убийцы и жертвы, были улики. Пусть искусственные... оставленные намеренно...

Грегори умолк и с неожиданной улыбкой взглянул на Шеппарда, пытаясь различить в темноте его лицо.

---

¹ Безумие вдвоем (*фр.*).

– А... – начал он таким тоном, словно сделал невероятное открытие, – вот в чем дело...

– Да, именно в этом, – ответил Шеппард и снова принялся рассказывать по комнате.

Грегори низко опустил голову. Его пальцы вцепились в край стола.

– Искусственное... – прошептал он. – Имитация... Имитация, да? – повторил он, повысив голос. – Поддельное, но что? Безумие? Нет, не так: круг снова замыкается.

– Замыкается, потому что вы идете по неверному пути. Когда вы произносите «поддельное безумие», вы ищете четкую аналогию с делом Лапейро. Убийцы действовали там, так сказать, по определенному адресу: намеренно оставляли следы и таким образом навязывали полиции головоломки для разгадки. Между тем в нашем случае адресатом совсем не обязательно является полиция. Я считаю это маловероятным.

– Ну да, – произнес Грегори. Он утратил интерес, сник. – Значит, мы снова возвращаемся к исходному пункту. К мотивации.

– Да нет же, подождите. Прошу взглянуть сюда.

Шеппард указал рукой на стену. На ней виднелось неподвижное пятнышко света, которого Грегори прежде не замечал. Откуда исходил свет? Он перевел взгляд на стол. Возле самого рефлектора на бумагах лежало пресс-папье из шлифованного стекла. Узкий луч, отражаясь от него, убегал в темную глубину комнаты и падал на стену.

– Что вы здесь видите? – спросил Шеппард, отодвигаясь в тень.

Грегори наклонился в сторону, чтобы укрыться от слепящей лампы на столе. На стене висела картина, скрытая во мраке. Одиноким лучик освещал лишь фрагмент картины: темное пятно, окаймленное бледно-пепельной, слабо изогнутой каймой.

– Это пятно? – произнес он. – Какой-то разрез? Нет, я не могу в этом разобраться, минутку...

Изображение заинтриговало его. Он все внимательнее всматривался, прищулив глаза. По мере того как осмотр затягивался, в нем возникало ощущение беспокойства. Грегори по-прежнему не знал, что он рассматривает, но чувство тревоги возрастало.

– Это что-то как бы живое, – произнес он, невольно понижая голос. – Хотя нет... выжженное окно в развалинах?

Шеппард приблизился и заслонил собой это место. Пятнышко света неправильной формы лежало теперь на его груди.

– Вы не можете в этом сориентироваться, потому что видите только часть целого, – сказал он. – Не так ли?

– А! Вы думаете, что эта серия исчезающих трупов – только часть, фрагмент, словом, начало огромного целого?

– Я думаю именно так.

Шеппард заходил по комнате. Грегори снова перевел взгляд на то же место на стене.

– Вполне вероятно, что это начало какой-то уголовной или политической аферы широкого масштаба, которая со временем выйдет за пределы нашей страны. Тогда то, что произойдет, должно вытекать из того, что уже было. А может быть, все произойдет иначе, и мы наблюдали лишь отвлекающий маневр или мнимую операцию тактического порядка...

Грегори почти не слушал, вглядываясь в темное, тревожившее его изображение.

– Простите, – произнес он неожиданно для себя, – что там изображено, господин инспектор?

– Где? А, это!

Шеппард повернул выключатель. Свет залил комнату, это длилось две-три секунды. Потом главный инспектор погасил верхний свет, и вновь наступил полумрак. Но прежде чем он наступил, Грегори разглядел то, что прежде было неразличимо – женское лицо, отброшенное назад по диагонали листа, глядящее одними белками глаз, и шею, на которой виднелся глубокий след от веревки. Он уже не видел деталей снимка, но, несмотря на это, его как бы с

запозданием настиг ужас, запечатлевшийся на мертвом лице. Он перевел взгляд на Шеппарда, который продолжал расхаживать взад-вперед.

– Возможно, вы правы, – сказал он, – но я не знаю, это ли самое главное? Можете ли вы представить себе человека, который ночью в темном морге зубами отгрызает полотняную занавеску?

– А вы на это не способны?

– О да, но в возбужденном состоянии, в страхе, при отсутствии других орудий под рукой, по необходимости... Но вы не хуже меня понимаете, зачем он это сделал. Ведь она повторяется во всей серии, эта проклятая железная последовательность. Ведь он все делал для того, чтобы казалось, что труп ожил. Ради этого он все рассчитывал и штудировал метеорологические бюллетени. Но мог ли такой человек рассчитывать на то, что найдется полисмен, готовый поверить в чудо? В этом, именно в этом загадка данного безумия!

– О котором вы говорили, что его нет и быть не может, – равнодушно заметил Шеппард. Он отодвинул портьеру и стал вглядываться в темное окно.

– Почему вы упомянули о деле Лапейро? – после длительной паузы спросил Грегори.

– Потому что оно началось как детская игра: с пуговиц, уложенных в узоры. Но не только потому. Скажите мне: что служит противоположностью человеческого деяния?

– Не понимаю... – буркнул Грегори. Он ощущал острую головную боль.

– В поступках человек проявляет свою индивидуальность, – спокойно пояснил Шеппард. – Следовательно, она проявляется и в действиях преступного характера. Но та закономерность, которая выявляется в нашей серии, безличностна. Безличностна, как закон природы. Понимаете?

– Мне кажется... – хрипло произнес Грегори. Он очень медленно отклонялся корпусом в одну сторону, пока целиком не оказался вне радиуса действия слепящего рефлектора. Благодаря этому его глаза все лучше видели в темноте. Рядом с фотографией женщины были и другие. На них были запечатлены лица мертвых. Шеппард снова зашагал по комнате, на фоне этих кошмарных лиц он передвигался как посреди странной декорации, нет, как посреди самых обычных, привычных вещей. Потом остановился напротив стола.

– В этой серии есть математическое совершенство, подсказывающее, что виновника не существует. Это поразительно, Грегори, но это так.

– Что... что вы... – едва слышно выдавил Грегори, непроизвольно отпрянув.

Шеппард стоял неподвижно, различить его лицо было невозможно. Вдруг до Грегори донесся короткий, прерывистый звук. Главный инспектор смеялся.

– Я вас испугал? – произнес Шеппард, становясь серьезным. – Вы считаете, что я говорю чепуху? А кто сотворяет день и ночь? – спросил он. В его голосе звучала издевка.

Грегори вдруг поднялся, отодвинув стул.

– Понимаю. Естественно! – произнес он. – Речь идет о создании нового мифа. Искусственный закон природы. Искусственный, безликий, невидимый виновник. И, надо понимать, всемогущий. Это великолепно! Имитация бесконечности...

Грегори смеялся, но это не был веселый смех. Он умолк, тяжело дыша.

– Почему вы смеетесь? – медленно, как бы с грустью спросил Шеппард. – Не потому ли, что вы уже думали об этом, но отвергли подобную мысль? Имитация? Разумеется. Но она может быть совершенной, столь совершенной, Грегори, что вы вернетесь ко мне с пустыми руками.

– Возможно, – холодно заметил Грегори. – Тогда меня заменит кто-нибудь другой. В конечном счете каждую деталь по отдельности я мог бы объяснить уже теперь. Даже эту проекторскую. Окно можно открыть снаружи с помощью нейлоновой нити, предварительно зацепив ее на оконной ручке. Но чтобы некий основатель новой религии, некий имитатор чудес стал делать таким образом свои первые шаги...

Шеппард пожал плечами.

– Нет, это не так просто. Вы постоянно повторяете слово «имитация». Восковая кукла – имитация человека, не так ли? А если кто-то изготовит куклу, способную ходить и говорить, – это будет отменная имитация. А если он сконструирует куклу, обладающую способностью кро-
воточить? Куклу, которая будет несчастной и смертной, что тогда?

– Да при чем тут все это... ведь даже самая совершенная имитация и эта кукла должны иметь своего создателя и его можно доставить в наручниках! – воскликнул Грегори, которого охватил внезапный гнев. «Он что, играет со мной?» – мелькнула мысль. – Господин инспек-
тор... – сказал он, – вы можете мне ответить на один вопрос?

Шеппард смотрел на него.

– Вам эта загадка кажется неразрешимой, не так ли?

– Отнюдь. Об этом не может быть и речи. Однако возникает возможность, что реше-
ние... – Главный инспектор замолк.

– Прошу вас, скажите мне все.

– Не знаю, имею ли я право, – сухо отозвался Шеппард, словно уязвленный настойчиво-
стью Грегори. И заключил: – Возможно, вы отвергнете это решение.

– Почему? Пожалуйста, выскажитесь яснее!

Шеппард покачал головой:

– Нет, не могу.

Шеппард подошел к столу, выдвинул ящик и извлек оттуда небольшой пакет.

– Займемся тем, чем нам положено, – сказал он, передавая пакет Грегори.

Это были фотографии трех мужчин и женщины. Заурядные лица, ничем не привлекаю-
щие внимания, взирали на Грегори с глянцевиных кусков картона.

– Это они, – произнес он. Две из этих фотографий были ему знакомы.

– Да.

– Но посмертных фотографий нет?

– Две мне удалось раздобыть. – Шеппард снова открыл ящик. – Они сделаны в больнице
по просьбе семьи.

Это были фотографии двух мужчин. Удивительная вещь, смерть придала значительность
их заурядным чертам, наделила застывшей задумчивостью. Они сделались более выразитель-
ными, чем при жизни, словно только теперь им стало что скрывать.

Грегори поднял глаза на Шеппарда и изумился. Сгорбленный, вдруг странно постарев-
ший, он стоял со стиснутыми зубами, словно испытывая страдание.

– Господин инспектор?.. – спросил он вполголоса с неожиданной робостью.

– Я предпочел бы не давать вам этого дела, но мне больше некому его поручить, – сухо
отозвался Шеппард. Он положил руку на плечо Грегори. – Пожалуйста, поддерживайте со мной
контакт. Я хотел бы вам помочь, хотя неизвестно, пригодится ли вам мой опыт.

Грегори подался назад, рука Шеппарда упала. Оба стояли теперь за пределами освещен-
ного круга. Из темноты со стен на них взирали лица мертвецов. Грегори чувствовал себя более
хмельным, нежели в начале вечера.

– Прошу прощения, – произнес он, – вы знаете больше, чем захотели мне сказать, не так
ли? – Он тяжело дышал, словно ворочал тяжести. Шеппард молчал. – Вы... не можете или не
хотите? – вопрошал Грегори. Он даже не удивился, откуда взялась у него такая смелость.

Шеппард отрицательно помотал головой, поглядывая на него с какой-то безмерной снис-
ходительностью. А может, с иронией?

Грегори посмотрел на свои руки и увидел, что в левой он держит фотографии, сделанные
при жизни, а в правой – посмертные. И тот же непонятный импульс, который минуту назад
подтолкнул задать неожиданный вопрос, вдохновил его снова. Это было похоже на прикосно-
вание невидимой руки.

– Какие из них... важнее? – едва слышно спросил он. Лишь в абсолютной тишине этой комнаты можно было его расслышать.

Шеппард молча взглянул на Грегори, пожал плечами и подошел к выключателю. Белый свет залил комнату, все сделалось привычным и естественным. Грегори медленно спрятал фотографии в карман.

Визит подходил к концу. И однако, хотя они говорили уже только о конкретных вещах: о количестве и размещении постов, об осмотре всех моргов, о мерах предосторожности в перенаселенных Сиссом населенных пунктах, о полномочиях Грегори, между ними осталась тень чего-то недосказанного.

Несколько раз главный инспектор замолкал и выжидающе смотрел на Грегори, как бы прикидывая, не следует ли ему от этих деловых соображений вернуться к прежнему разговору. Однако он уже ничего не добавил.

Лестница от середины была погружена в абсолютную темноту. К выходу Грегори добрался ощупью. Неожиданно Шеппард окликнул его.

– Желаю успеха! – громко напутствовал его главный инспектор.

Грегори хотел прикрыть за собой дверь, но ветер захлопнул ее со страшным грохотом. На улице царил пронизывающий холод. Усиливался мороз, сковывал лужи, подмерзающая грязь похрустывала под ногами, капли дождя на ветру превращались в ледяные иголки. Они больно кололи лицо и с резким бумажным шелестом отскакивали от твердой ткани плаща.

Грегори хотел подвести итог всему, что произошло, но с таким же успехом он мог бы классифицировать невидимые тучи, которые ветер гнал над его головой. Воспоминания этого вечера противоборствовали в нем, рассыпались на отдельные картины, не связанные ничем, кроме мучительного чувства подавленности и растерянности. Комната, увешанная посмертными фотографиями жертв, с письменным столом, заваленным раскрытыми книгами. Он внезапно пожалел, что не заглянул ни в одну из этих книг или в разложенные там же бумаги. Ему и в голову не пришло, что это было бы бестактностью. Он находился на грани, за которой ни в чем нельзя быть уверенным. Любая, с виду самая пустяковая вещь способна явить ему одно из многих возможных значений, а попытаться он постичь ее, как она снова развеется, расплывется, растает. Он же в поисках разгадки будет погружаться в море многозначных деталей, покуда не утонет в нем, так ничего и не поняв.

Кого он, собственно, собирается представить Шеппарду – создателя новой религии? Великолепная, испытанная на практике надежность следственного аппарата в этом деле оборачивалась против него самого. Ибо чем больше скапливалось тщательно измеренных, сфотографированных и описанных фактов, тем большей нелепостью казалась вся постройка. Если бы он искал убийцу, скрытого во мраке, он не испытывал бы такой беспомощности, не ощущал бы такой угрозы. Чем объяснялась эта неуверенность, эта тревога в глазах главного инспектора, который хотел ему помочь, но не мог?

Почему именно ему, начинающему, главный инспектор поручил это дело, разгадка которого (он сам об этом говорил!) может оказаться неприемлемой? И только ли для того он вызвал его вечером?

Грегори не замечал ничего вокруг, не видел темной улицы, не ощущал скатывающихся по лицу капель. Он шел куда глаза глядят, сжимая в карманах кулаки, глубоко вдыхая холодный влажный воздух, и снова перед ним возникло лицо Шеппарда, перевернутые тени, дергающийся угол рта.

Он стал высчитывать, когда именно он вышел из «Европы». Сейчас была половина одиннадцатого, значит, прошло почти три часа... «Я уже протрезвел», – сказал он себе и остановился. При свете фонаря прочел на табличке название улицы. Прикинул, где находится ближайшая станция метро, и направился в ту сторону.

Становилось все многолюднее, сияли красочные рекламы, светофоры на перекрестках мигали зеленым и красным. У входа в подземку толпилось множество людей. Грегори вступил на эскалатор и медленно заскользил вниз, погружаясь в нарастающий гул. Его оведал сухой, механически нагнетаемый воздушный поток.

На платформах было теплее, чем наверху. Он пропустил поезд на Айлингтон, проводил взглядом красный треугольник огней на последнем вагоне, обошел газетный киоск. Потом прислонился к колонне и закурил сигарету.

Подошел его состав. Двери с шипением раздвинулись. Он сел в углу. Вагон дернулся и поехал. Огни станции замигали все быстрее, потом начали проноситься бледные, слитые стремительным движением лампы туннеля.

Он снова вернулся к встрече с Шеппардом. Ему казалось, что она имела какое-то второе, скрытое и более важное значение, до которого он наверняка докопался бы, если б только сумел сосредоточиться. Он бездумно скользнул взглядом по ряду лиц случайных попутчиков, освещенных рядом дрожащих ламп.

Какое-то беспокойство кружило в нем, как кровь, пока не выразилось в словах: случилось несчастье! Нечто крайне дурное и неотвратимое произошло в этот вечер... или в этот день? Внезапно поток его раздумий оборвался.

Он прищурил глаза. Ему показалось, что в противоположном углу вагона, вдалеке, возле двери, сидит кто-то знакомый. Физиономия ему что-то напоминала. Он видел теперь только старческое лицо со стертыми чертами, с обвислой пористой кожей.

Откинув голову на перегородку, мужчина спал так крепко, что шляпа сползала ему на лоб, отбрасывая длинную тень до самого подбородка. Движения мчащегося вагона заставляли его вялое тело ритмично покачиваться, это покачивание усиливалось на поворотах. В какой-то момент его рука сползла с колен, безжизненная, как сверток, и повисла, раскачиваясь, болтая, бледная и набухшая. Вагон мчал все быстрее, тряска не прекращалась, и наконец нижняя челюсть спящего, которого Грегори все никак не мог вспомнить, начала медленно опускаться. Рот раскрылся...

«Спит как убитый», – промелькнуло у Грегори в голове, и одновременно его резанул леденящий страх. На секунду перехватило дыхание. Он уже все понял. Фотография этого человека, выполненная после смерти, покоилась у Грегори под плащом в кармане.

Состав стремительно тормозил. Каледониан-роуд. В вагон вошли несколько человек. Огни станции дрогнули, сдвинулись, поплыли назад. Вагон двинулся дальше.

Снова блеснули рекламы и освещенные надписи. Грегори даже не взглянул на название станции, хотя ему пора было выходить. Он сидел неподвижно, сосредоточенно глядя на спящего. Слышалось резкое шипение, двери закрывались, горизонтальные линии люминесцентных ламп за окнами медленно уходили назад, исчезали как отсеченные, вагон несея по темному туннелю, набирая скорость. Грегори не слышал стука колес, так сильно шумела кровь в голове. Вокруг все менялось от неподвижного всматривания в бледную, заполненную крутящимися искрами воронку, на дне которой покоилась голова спящего. Он как загипнотизированный смотрел в темную щель приоткрытого рта. Наконец это лицо, с бледной, опухшей кожей превратилось в его глазах в радужное пятно – так пристально он всматривался. Не отводя глаз от человека, он полез в карман, расстегивая пуговицы, чтобы достать снимок. Поезд с шипением притормаживал. Какая станция, уже Хайгейт?

Несколько человек встали, какой-то солдат, спеша к выходу, задел вытянутую ногу спящего, тот внезапно очнулся, молча и быстро поправил шляпу, встал и смешался с выходящими.

Грегори рванулся со своего места, обращая на себя внимание. Некоторые обернулись в его сторону. Он выскочил на платформу из тронувшегося поезда, силой придержав дверь, которая уже закрывалась. На фоне бегущих вагонов он краем глаза заметил разгневанную физиономию дежурного по станции. Убегая, услышал за собой его голос:

– Эй, молодой человек!

В ноздри ему ударила струя холодного воздуха. Он остановился, сердце бешено колотилось. Смешавшийся с толпой человек из вагона направлялся к длинному железному барьеру у выхода. Грегори отпрянул назад. За спиной у него находился газетный киоск, из которого бил сильный электрический свет. Он ждал.

Старик прихрамывал, опережаемый волной пассажиров. Он припадал на одну ногу. Поля промокшей шляпы свисали, помятый плащ вытерся возле карманов. Он смахивал на самого последнего бедняка. Грегори взглянул на фотографию. Никакого сходства не было.

Он потерял голову: случайная схожесть черт легла на подавленное настроение, в котором он находился. Умерший наверняка был значительно моложе. Ну конечно – это был совершенно другой человек.

Обмякнув мышцами, чувствуя щекочущее подергивание щек, Грегори смотрел то на фотографию, то на приближавшегося человека. Старик наконец заметил, что за ним внимательно наблюдают, и повернулся к детективу массивной, сползающей на углы воротника, одутловатой физиономией, покрытой седой щетиной. И невесть почему так на него уставился, что его лицо застыло в бессмысленном оцепенении, челюсть слегка отвисла, слюнявые губы снова приоткрылись, и в этой внезапной неподвижности он опять стал смахивать на мертвеца с фотографии.

Грегори хотел взять его за плечо, но едва протянул руку, как он что-то крикнул, точнее, испустил хриплый возглас и вскочил на эскалатор. Прежде чем Грегори кинулся в погоню, между ними втиснулась семья с двумя детьми, загородившая проход. Старик проскользнул между безучастно стоящими пассажирами и исчез из виду.

Грегори начал расталкивать преграждавших ему путь людей. Послышалось несколько гневных реплик, какая-то женщина возмущенно бранилась. Он не обращал на это внимания. Наверху у выхода толпа оказалась такой густой, что протиснуться не удалось. Он попытался пробиться силой, но вынужден был отступить. Когда, медленно двигаясь в толпе, он наконец выбрался на улицу, человек из вагона пропал без следа. Напрасно он высматривал старика на тротуарах. Его разбирала злость на собственное бессилие, ибо он понимал, что виной всему секунда его оцепенения или попросту – страха.

Машины огибали двумя потоками площадку у выхода из метро. Поминутно ослепляемый автомобильными фарами, Грегори стоял у самого края мостовой, пока около него не остановилось такси. Шофер был уверен, что он ждет машину. Дверца распахнулась. Грегори сел и машинально назвал свой адрес. Когда автомобиль тронулся, он заметил, что все еще сжимает в руке фотографию.

Через десять минут такси остановилось на углу маленькой улочки возле Одд-Сквер. Грегори вылез из машины почти уверенный в том, что ему все просто померещилось.

Вздыхнув, он поискал в кармане ключи.

Дом, в котором жил Грегори, принадлежал семейству Феншоу. Это была старая двухэтажная постройка с порталом, достойным кафедрального собора, с крутой причудливой крышей, толстыми темными стенами, с длинными коридорами, изобилующими неожиданными поворотами и закоулками, и комнатами с такими высокими потолками, словно они предназначались для летающих существ. В этой мысли посетителя укрепляла и чрезвычайно богатая роспись потолков. Поблескивающие позолотой высокие своды, выложенная мрамором громада лестничной клетки, погруженной во мрак из соображений экономии; просторная, опирающаяся на колонны терраса; зеркальный салон с люстрами, скопированными с версальских; и огромная ванная комната, переделанная вроде бы из какой-то гостиной, – все это великолепие действовало на воображение Грегори, когда он в обществе аспиранта Кинси осматривал владения супругов Феншоу. А поскольку супружеская чета также произвела на него довольно

приятное впечатление, то он воспользовался предложением товарища и поселился в комнате, которую Кинси покидал, как он говорил, по причинам личного порядка.

Викторианские архитекторы, которые возводили этот дом, понятия не имели о бытовой технике, здание имело массу неудобств. В ванную Грегори должен был путешествовать через коридор и застекленную галерею, а чтобы попасть с лестницы в его комнату, требовалось пройти через салон с шестью дверями, почти пустой, если не считать потемневших барельефов с осыпающейся позолотой, хрустальной люстры и зеркал по углам. Вскоре, однако, оказалось, что бытовые неудобства – не самые существенные изъяны квартиры.

Живя в постоянной спешке, возвращаясь домой поздно и целые дни пропадая на работе, Грегори не сразу заметил скрытые достопримечательности новой резиденции. Исподволь, незаметно она начала вовлекать его в орбиту дел, которым, как он считал, нельзя было придавать ни малейшего значения.

Супруги Феншоу были не первой молодости, но надвигающейся старости оказывали упорное сопротивление. Сам Феншоу был поблекший, худой, с бесцветными волосами, которые седеют незаметно для глаза, с меланхолической физиономией и носом, словно позаимствованным у другого, гораздо более мясистого лица, так что нос производил впечатление приставленного. Феншоу держался по-старосветски, появляясь в поразительно сверкающих башмаках и черной тужурке, с неременной длинной тростью. Его супруга, бесформенная женщина с маленькими черными глазами, в которые, казалось, накапали оливкового масла, ходила в темных платьях, странно пузатая (Грегори через какое-то время начал подозревать, что она нарочно чем-то набивает платья) и настолько неразговорчивая, что трудно было запомнить звук ее голоса. Когда Грегори спрашивал Кинси о хозяевах, тот вначале сказал: «Сам с ними управись», а потом невразумительно добавил: «Они – обломки!» В тот момент Грегори ждал от него только поддержки в своем решении переехать в большой дом и не обратил внимания на это определение, тем более что Кинси любил загадочные выражения.

Первый раз после вселения Грегори встретил миссис Феншоу ранним утром, когда направлялся в ванную. Она сидела на маленьком, похожем на детский стульчике и обеими руками толкала перед собой ковер, сворачивая его в рулон. В одной руке она держала тряпку, а в другой какую-то заостренную пластинку и осторожно протирала открывающиеся из-под ковра планки паркета. Подобным образом она передвигалась вместе со стульчиком чрезвычайно медленно, так что, возвращаясь из ванной комнаты, он застал ее почти на том же месте, сосредоточенную и занятую тем же делом. В глубине большого салона она выглядела как черная головка медленно сжимающейся гусеницы, тело которой составлял узорчатый ковер. Он спросил, не может ли он ей чем-нибудь помочь. Она подняла к нему желтоватое, неподвижное лицо и ничего не ответила. После полудня, выходя из дому, он едва не столкнулся с ней на лестнице (лампы не горели), когда она перемещалась со своим стульчиком с одной ступени на другую. Он наткнулся на нее впоследствии в самое невообразимое время и в совершенно неожиданных местах. Когда он находился у себя и работал, до него доносилось поскрипывание стульчика, приближающееся по коридору с невероятной равномерностью и неторопливостью. Однажды это поскрипывание затихло под его дверью, он с неудовольствием подумал, что хозяйка подслушивает, и решительно вышел в коридор, но миссис Феншоу, которая осторожно скребла паркет под окном, вообще не обратила на него внимания.

Грегори догадался, что миссис Феншоу экономит на прислуге, а со стульчиком не расстается ради удобства, чтобы не нагибаться. Это простое объяснение, вполне правдоподобное, не исчерпывало проблему, ибо появление миссис Феншоу и медленное передвижение стульчика с неизменным скрипом с рассвета до сумерек, за исключением двух обеденных часов, начало обретать в его глазах чуть ли не демонический характер. Он прямо-таки тосковал по той минуте, когда это скрипящее передвижение прекратится, а этого приходилось ждать иногда часами. Рядом с миссис Феншоу пребывали два больших черных кота, которыми вроде бы

никто не занимался и которых Грегори терпеть не мог – без всякой причины. Все это вовсе не должно было его занимать; он повторял себе это десятки раз. Возможно, он и отключился бы от того, что происходило за стенами его комнаты, но оставался еще мистер Феншоу.

Днем Грегори не ощущал его присутствия. Пожилой господин занимал комнату рядом с Грегори, откуда вторая дверь также выходила на прекрасную террасу. Далеко после десяти, а то и после одиннадцати из-за стены, разделявшей комнаты, раздавались мерные постукивания. То сильные и звучные, то глухие, словно кто-то обстукивал стену деревянным молотком. Потом начинались иные акустические явления. Грегори сначала казалось, что их разнообразие неисчерпаемо, но он ошибался. Уже через месяц он знал, что наиболее часто повторявшихся звуков не больше восьми.

После вступительного постукивания за стеной, оклеенной обоями в розочках, раздавался гулкий звук, словно по голому полу катали деревянную трубу или пустую бочку. Пол энергично сотрясался, казалось, кто-то ступал по нему босыми ногами и при каждом шаге всей тяжестью тела надавливал на пятки: слышалось шлепанье, а точнее, частые, неприятные шлепки, как бы наносимые ладонью по какой-то шаровидной, влажной, возможно наполненной воздухом, поверхности; возникало прерывистое шипение, и, наконец, бывали звуки, которые трудно описать. Эти настырные шорохи, прерываемые металлическим стуком, эти энергичные, плоские шлепки, словно удары хлопущки для мух или звук обрыва чрезмерно натянутых струн, следовали один за другим в разной очередности, подчас некоторые не были слышны несколько вечеров кряду. Но мягкие сотрясения, которые Грегори определил как хождение босиком, повторялись всегда; когда они убыстрялись, можно было ждать концерта особенно разнообразного и мощного. Большинство этих шумов и звуков не были особенно громкими, однако Грегори, лежавшему под одеялом в темной комнате, глядевшему в невидимый, высокий потолок, временами казалось, что они сотрясают его мозг. Поскольку он не вел никакого самонаблюдения, он не смог бы определить, когда его интерес к этим звукам из пустячного любопытства перешел в почти болезненное терзание. Возможно, на его восприятие ночных мистерий повлияло своеобразное поведение миссис Феншоу днем; он, однако, в то время был слишком поглощен своим очередным расследованием, чтобы размышлять об этом. Вначале он спал великолепно и, собственно, мало что слышал, но вскоре, однако, стал различать звуки в их загадочном своеобразии; темная комната была для этого идеальным местом. Тогда он твердо сказал себе, что ночные ритуалы господина Феншоу его ровным счетом не касаются, но было уже поздно.

Итак, он пытался объяснить их себе и напрягал воображение, дабы под эти ничего не говорящие, загадочные звуки подвести какой-нибудь логический смысл, но очень скоро оказалось, что это невозможно.

До этого он засыпал мгновенно и спал до утра каменным сном, а людей, сетовавших на бессонницу, выслушивал с вежливым удивлением, граничащим с недоверием. В доме супругов Феншоу он приучился принимать снотворное.

Однажды ему удалось заглянуть в спальню мистера Феншоу. Он пожалел об этом, поскольку с трудом построенная гипотеза о том, что хозяин занимается какими-то экспериментальными механическими работами, рухнула. В этой просторной, почти треугольной комнате, кроме большой кровати, шкафа, ночного столика, умывальника и двух стульев, не было ничего – никаких инструментов, досок, баллонов, ящиков или бочонков. Даже книг.

Раз в неделю, в воскресенье, он обедал вместе с хозяевами. Приглашали они всегда в субботу. За воскресным столом царил скучная атмосфера. Супруги Феншоу принадлежали к людям, не имеющим собственного мнения. Они кормились убеждениями и мыслями, тиражируемыми «Дейли кроникл», были сдержанно вежливы, говорили о ремонтных работах, которые требуется произвести в доме, и о том, как трудно выкроить на это средства, либо рассказывали о своих далеких предках, составлявших романтическую – индийскую – часть родни.

Разговоры за столом были такими обыденными, что упомянуть о ночных звуках или перемещениях на стульчике не удавалось; какая-либо реплика или вопрос на этот счет просто застревали в горле у Грегори. Он внушал себе, что с этой дурью пора кончать, и если бы он только догадался или по крайней мере выдвинул гипотезу, чем по ночам занят его сосед, то не терзался бы, лежа с открытыми глазами в темной комнате. Но ни одна мысль, могущая объяснить происхождение странных звуков, не приходила ему в голову. Однажды, несколько одурманенный снотворным, которое вместо сна вызвало тяжелое отупение, он неслышно встал и вышел на террасу. Застекленные двери комнаты мистера Феншоу были, однако, прикрыты изнутри плотными занавесками. Он вернулся к себе, дрожа от холода, и скользнул под одеяло, чувствуя себя совсем скверно, будто совершил нечто, чего будет стыдиться долгие годы.

Его настолько поглощала работа, что днем он почти никогда не думал о загадочных ночных происшествиях. Пожалуй, раз или два ему показалось, что Кинси, встретив его случайно в главном управлении, поглядел на него выжидающе, с робким любопытством, но спросить ни о чем не решился, даже намеком. В конце концов, какая ерунда! Со временем он слегка изменил свое расписание – приносил домой протоколы и просиживал над ними до полуночи, а то и позже, и таким образом находил лживое оправдание своему недостойному поведению. Ибо в часы бессонницы, как это бывает, ему приходили в голову самые невероятные идеи; раза два он просто готов был куда-то сбежать – в какой-нибудь отель или пансионат.

В тот вечер, когда Грегори вернулся от Шеппарда, он больше чем когда-либо мечтал о тишине и покое. Спиртное окончательно выветрилось у него из головы, остался только неприятный, терпкий вкус во рту, и воспалились глаза, словно засоренные песком. Лестница, погруженная во мрак, была пуста. Он быстро пересек салон, в котором холодно поблескивали по углам темные зеркала, и с облегчением затворил за собой дверь. По привычке – это уже был рефлекс – он замер, прислушиваясь. В такие минуты он не размышлял, а действовал инстинктивно. В доме царила мертвая тишина. Он зажег свет, почувствовал, что воздух душный, тяжелый, распахнул дверь на террасу и занялся приготовлением кофе в маленькой электрической кофеварке. Голова у него разламывалась. Боль, притаившаяся, пока он был занят делами, теперь как бы поднималась на поверхность. Он опустил на стул возле шипящей кофеварки. Ощущение, что его в этот день постигло несчастье, не проходило. Он встал. А ведь ничего не произошло. От него ускользнул человек, несколько напоминавший мертвеца на фотографии. Шеппард поручил ему дело, которое он сам жаждал расследовать. Инспектор наговорил массу странных вещей, но в конце концов это только слова, а Шеппард мог слегка почудить. Может, он на старости лет ударился в мистику? Что еще? Он вспомнил свое приключение в зеркальном тупике пассажа – встречу с самим собой – и невольно усмехнулся: ну и детектив из меня... «В общем, если я даже завалю дело, ничего не случится», – подумал он. Достал из ящика стола толстый блокнот и вывел на чистой странице: «МОТИВЫ. Жажда денег – страсть (религиозная, эротическая, политическая) – безумие».

Он начал вычеркивать пункт за пунктом, пока не осталась только «религиозная страсть». Какая чушь! Он отшвырнул блокнот. Подпер голову руками. Кофеварка шипела все более сердито. Это наивное выписывание мотивов в блокнот не так уж глупо. Снова где-то рядом замаячила мысль, которой он боялся. Пассивно ждал. В нем нарастала мрачная убежденность, что вновь разверзается нечто непостижимое, тьма, в которой он будет передвигаться беспомощно, как червь.

Он содрогнулся. Встал, подошел к столу и раскрыл внушительный том «Судебной медицины» в том месте, где между страницами торчала закладка. Раздел назывался «Гниlostное разложение трупов».

Грегори начал читать, но минуту спустя только его глаза послушно следовали за текстом. Механически продолжая читать, он отчетливо увидел комнату Шеппарда, ее стены с галереей застывших лиц. Он представил себе, как этот человек прохаживается там от окна к двери,

в пустом доме, как останавливается перед этой стеной и смотрит. Грегори содрогнулся, ибо дошел до предела. Он подозревал Шеппарда. Кофеварка уже долгое время пронзительно свистела. Кипяток пенился под стеклянным колпачком, кофе был готов.

Он захлопнул том, встал, налил кофе в чашку и пил большими глотками, стоя в открытых дверях, не замечая, что обжигает горло. Над городом висела тусклая луна. Машины двигались по мостовой, гася полосы падающих на асфальт, как бы погруженных в темное стекло огней. Он услышал из глубины дома едва различимый треск, словно бы мышь принялась за тонкую деревянную переборку, но он знал, что это не мышь. Он чувствовал, что проигрывает прежде начала игры. Он удрал на террасу. Опершись руками о каменную балюстраду, поднял глаза к небу. Оно было усыпано звездами.

Глава III

Грегори проснулся с убеждением, что во сне нашел ключ ко всему делу, только не мог этого осознать. Во время бритья он внезапно вспомнил: ему снилось, что он был в луна-парке и стрелял из большого красного пистолета в медведя, который при попадании с рыком вставал на задние лапы; потом оказалось, что это был не медведь, а доктор Сисс, очень бледный, накрытый черной пелериной. Грегори целился в него из пистолета, который сделался мягким, как пластилин, и ни на что не походил, а Грегори все продолжал нажимать пальцем в том месте, где должен был находиться спусковой крючок. Больше он ничего не помнил. Побрившись, Грегори решил позвонить Сиссу и договориться с ним. Когда он выходил из дому, миссис Феншоу сворачивала в холле длинный ковер. Под ее стульчиком сидел один из котов. Грегори не умел отличать их друг от друга, хотя, когда они были вместе, видел, что один на другого не похож.

Позавтракал он в баре на другой стороне площади, а потом позвонил Сиссу. Женский голос сообщил, что доктора нет в Лондоне. Это спутало планы Грегори. В нерешительности он вышел на улицу, побродил возле витрин, около часа неведомо зачем кружил по всем этажам «Вулвортса», в двенадцать покинул универмаг и направился в Скотленд-Ярд.

Был вторник. Он подсчитал, сколько еще дней осталось до срока, назначенного Сиссом. Проглядел сообщения из провинции, скрупулезно проанализировал метеосводки и долгосрочный прогноз для Южной Англии, поболтал с машинистками, а на вечер условился с Кинси пойти в кино.

После кино снова не знал, чем заняться. Ему чертовски не хотелось штудировать «Судебную медицину», не из-за лени, а потому, что иллюстрации в учебнике портили настроение. Он, конечно, никому не признался бы в этом. Грегори понимал: надо ждать. Лучше всего было бы подобрать себе какое-нибудь, по возможности интересное, занятие, тогда время не тянулось бы так медленно. Но это не так-то просто. Он выписал книги и номера «Криминалистического архива», которые собирался почитать, в клубе посмотрел по телевизору футбольный матч, дома часа два посидел над книгами и отправился спать с убеждением, что зря потратил день.

Утром он проснулся с твердым решением изучать статистику. Приобрел несколько учебников, из книжного магазина направился в Скотленд-Ярд, где пробыл до обеда, после чего оказался на станции метро Кенсингтон-гарденс и попытался развлечься, как иногда развлекался студентом. Сел в первый же подошедший поезд, потом наугад вышел из вагона и целый час бродил по городу, повинаясь абсолютно случайным импульсам. Когда ему было лет девятнадцать, его увлекала эта игра с самим собой. Он не понимал, как получается, что, стоя в толпе, он до последнего мгновения не знает, поедет или нет именно этим поездом. Ждал какого-то внутреннего сигнала, какого-то волевого толчка, иногда говорил себе: «Теперь ты не двинешься с места» – и вскакивал в вагон в тот момент, когда двери захлопывались. А иногда строго одергивал себя: «Поеду следующим» – и садился в тот состав, что стоял перед ним. Грегори в те времена увлекался загадкой так называемой «случайности» и пытался свою собственную психику превратить в объект изучения и наблюдения, правда, без заметных результатов. Видимо, в девятнадцать лет такой метод постижения тайн психики может показаться забавным. Но теперь он удостоверился, что стал совсем другим Грегори, начисто лишенным фантазии, потому что через час (под конец он просто заставлял себя совершать пересадки, зная, что больше заняться нечем) ему это надоело. Он заглянул в «Европу» около шести, но у стойки увидел Фаркварта и тотчас ушел, прежде чем тот его заметил. Вечером Грегори снова отправился в кино и помирал там со скуки. Дома изучал статистику, покуда от чтения длинных примеров его не сморил сон.

Было еще темно, когда его сорвал с постели телефонный звонок. Шлепая босиком по холодному паркету, он сообразил, что телефон звонит уже давно. Спросонок он не нащупал выключатель. А телефон все звонил и звонил. Вслепую он отыскал трубку.

– Грегори, – отозвался он.

– Наконец-то! Думал, ты загулял. Ну и сон у тебя! Дай бог каждому. Слушай, я получил донесение из Пикеринга. Там пытались похитить труп...

Он сразу по голосу догадался: докладывал дежурный по Скотленд-Ярду Эллис.

– Пикеринг? Пикеринг? – пытался он вспомнить. Впотымах его шатало от недосыпа, а дежурный бубнил в трубку:

– Патрульный, наблюдавший за моргом, угодил под машину. «Скорая помощь» уже должна быть на месте. Знаешь, какая-то запутанная история. Грузовик, переехавший этого констебля, врезался в дерево. Впрочем, сам все увидишь.

– Когда это произошло? В котором часу?

– Ну, может, с полчаса назад. Рапорт я получил только что. Если хочешь взять кого-нибудь с собой, говори, я сейчас высылаю машину.

– Дэдли на месте?

– Нет. Он дежурил вчера. Возьми Уилсона. Он ничуть не хуже. Заедете за Уилсоном по пути, я сейчас подниму его с постели.

– Ладно, пусть будет Уилсон. И дай мне техника из третьего отдела, лучше всего Томаса, слышишь? Пусть возьмет с собой все причиндалы. Да, а доктор? Что с доктором?

– Я же тебе сказал: туда выехала «скорая помощь». Врач должен быть уже на месте.

– Да от нас, пойми! Не лечащий врач, а совсем наоборот!

– Хорошо, я это улажу. Теперь поторопись, машину высылаю!

– Дай мне десять минут.

Грегори зажег свет. Возбуждение, которое его охватило в темноте, пока звонил телефон, бесследно исчезло после первых же слов дежурного. Он шагнул к окну. Еще не рассветало. Грегори прикинул, что успеет принять душ, прежде чем Томас уложит все свое хозяйство. И не ошибся. Он расхаживал у подъезда, подняв воротник плаща, а машина все не шла. Взглянул на часы: скоро шесть. Послышался шум мотора. Это был большой черный «Олдсмобил». За рулем сидел сержант Коллз, с ним рядом фотограф Уилсон, сзади еще двое. Машина не успела остановиться, как Грегори вскочил в нее и плотно захлопнул за собой дверцу. Дернувшись, машина стремительно рванулась вперед с зажженными фарами.

Сзади сидел Сёренсен, возле него Томас. Грегори пристроился рядом. Было тесновато.

– Есть что-нибудь попить? – спросил Грегори.

– Кофе. Термос за спиной у доктора, – отозвался сидевший за баранкой Коллз. На пустынных улицах он выжимал до семидесяти, помогая себе сиреной. Грегори отыскал термос, выпил одним махом целую кружку и передал термос дальше. Пронзительно выла сирена. Грегори любил такую езду: вокруг сплошная темень, только снег высветляет улицы.

– Что там произошло? – поинтересовался Грегори. Никто не отозвался.

– Донесение, как и положено, из провинции, – заметил наконец Коллз. – Будто бы парня, который нес дежурство на кладбище, вытащил из-под колес наш мотопатруль. Пролом черепа или что-то в этом роде.

– Ну а труп?

– Труп? – задумчиво повторил Коллз. – Труп, кажется, остался.

– Как остался? – удивленно спросил Грегори.

– Видимо, этого типа спугнули и он слинял, – вмешался сидевший в углу рядом с Сёренсеном техник Томас.

– Ну, увидим, – буркнул Грегори. «Олдсмобил» ревел, словно у него не было глушителя. Сплошная застройка осталась позади; они приближались к предместьям. Возле какого-то

парка попали в полосу тумана. Коллз сбросил скорость, потом, когда прояснилось, прибавил газу. В предместье движение было оживленнее; ехали массивные грузовики с бидонами и двухэтажные освещенные автобусы, набитые людьми. Коллз включил сирену, расчищая себе путь.

– Вы не спали в эту ночь? – спросил Грегори доктора. У Сёренсена под глазами были круги. Он сидел накупившись, казался разбитым.

– Я лег после двух. Вот всегда так. И скорее всего я не понадобится.

– Кто-то не спит, чтобы некто мог спать, – заметил Грегори философски.

Пронеслись через Фулхэм, немного сбавили ход перед мостом и проехали над Темзой в разреженном тумане. Свинцовая река текла внизу, проплывал какой-то пароходик, люди на палубе суетились как угорелые. Где-то рывкнула сирена. Промелькнула рожица на выезде с моста. Коллз вел машину очень уверенно. Грегори считал его лучшим шофером в Скотленд-Ярде.

– Шеф знает? – бросил Грегори.

– Знает, Эллис ему докладывал. Шеф и распорядился, – сообщил Томас.

Он был таким же низеньким и быстрым, как сержант, но носил усики, делавшие его похожим на парикмахера из предместья. Грегори подался вперед. Так ему было удобнее, кроме того, между плечами сидящих впереди он мог глядеть на дорогу. Мокрый снег под колесами многочисленных грузовиков спрессовался в гладкую корку. Грегори с удовольствием наблюдал, как Коллз входил в вираж, тормозя только двигателем, который начинал задыхаться и чихать, и тогда в середине кривой он включал скорость и выходил на прямую на полных оборотах. Он не срезал поворотов: полиции не пристало так ездить, разве что при чрезвычайных обстоятельствах; впрочем, на столь укатанном снегу любое нарушение могло привести в кювет.

Они были уже за Уимблдоном, стрелка спидометра легко колебалась, доходила до цифры «90», поднималась к сотне, падала, подрагивая, снова мало-помалу ползла вверх по шкале. Впереди них шел тяжелый «Бьюик». Коллз подал сперва обычный сигнал – тот как бы не слышал; видно было его увеличивающуюся тыльную часть вишневого цвета с пляшущим на заднем стекле игрушечным медвежонком, и Грегори вспомнился вдруг его позавчерашний сон. Он усмехнулся, потому что сейчас был полон сил, чувствовал себя хорошо и уверенно. Коллз нагонял переднюю машину. Когда они были метрах в пяти, включил сирену; она оглушительно взвыла. «Бьюик», резко затормозив, сбавил ход, снег из-под его задних колес брызнул в их ветровое стекло. Съезжая в глубокий снег, «Бьюик» слегка накренился, его багажник оказался вдруг перед самым капотом полицейской машины, столкновение казалось неизбежным. Коллз коротким и точным поворотом баранки бросил машину вправо – они успели заметить изумленное лицо молодой женщины за рулем – и были уже далеко. Когда Грегори глянул в заднее стекло, «Бьюик» только еще выворачивал на середину шоссе.

Туман растаял. Вокруг простиралась белая равнина, из домов вертикально вверх тянулись дымки, небо казалось плоским, и цвет его был столь невыразительным, что непонятно было, пасмурная стоит погода или нет. Пересекли железнодорожный переезд, шины отозвались нервным гулом, выехали на автостраду. Коллз напрягся, сел пониже, плотнее уместив ноги на педалях, салон оглашался воем мотора. Выжимали уже сто десять.

Вдали показалось небольшое селение. Возле дорожного знака Коллз стал притормаживать. Влево от автострады уходила длинная полоса асфальта со шпалерой старых деревьев; двумястами метрами далее автострада закручивала серпантин развязки. Едва они остановились, Грегори привстал, упираясь головой в крышу, чтобы взглянуть на карту, которую сержант развернул на руле. Им следовало свернуть налево.

– Это уже Пикеринг? – поинтересовался Грегори. Коллз переключал скорости, словно забавляясь.

– Еще пять миль.

Свернули на боковую дорогу. Она плавно шла в гору. Вдруг сзади засияло солнце. Омытое остатками тумана, оно почти не отбрасывало тени. Стало тепло. Они миновали два-три дома, длинные застройки, далеко отстоящие от дороги, какой-то дощатый барак; подъем кончился. Сверху было видно все местечко, в солнечном свете розовели дымки, извилистой темной линией ручей перерезал снежную равнину. Они переехали через железобетонный мостик. Сбоку вынырнула фигура полисмена в мотоциклетном шлеме. Плащ у него был длинный, почти до щиколоток. Он остановил их красным щитком. Коллз затормозил и опустил стекло.

– Дальше придется идти пешком, – объявил он пассажирам, перебросившись несколькими словами с полисменом. Включил мотор и съехал на обочину шоссе.

Все вылезли из машины. Окрестности сразу показались другими – белизна, безмолвие, покой, первые лучи солнца на верхушках деревьев у самого горизонта; в холодном воздухе ощущалось приближение весны. Снег срывался с ветвей каштанов и падал вниз смерзшимися комьями.

– Туда, – показал рукой полисмен из дорожного патруля. От шоссе, плавно огибавшего следующий плоский холм, расходились едва различимые, прикрытые заснеженными кустами аллеи, внизу виднелась черепичная крыша; напротив, на расстоянии каких-нибудь трехсот шагов, заслоняемый рядами придорожных деревьев, маячил нечеткий силуэт сильно накренившейся машины. Поодаль у края дороги стоял человек. Они двинулись по обочине, как посоветовал им патрульный. Мокрый снег оседал под башмаками, налипая на них. Грегори, шедший впереди, заметил, что на шоссе, перегороженном натянутой между деревьями веревкой, отчетливо отпечатались следы автомобильных покрышек. Они вынуждены были перебраться через кювет на поле и так добрались до места аварии.

Там, въехав передними колесами на обочину, с разбитой вдребезги фарой, вмятой в древесный ствол, застыл длинный пепельного цвета «Бентли». Переднее стекло перечеркивали лучевидные трещины. Дверцы были приоткрыты, а сама машина, насколько мог различить Грегори, пуста. Подошел полисмен из местного участка. Грегори с минуту глядел на то, в какой позиции находится «Бентли», и, не поворачивая головы, спросил:

– Ну, так что здесь стряслось?

– «Скорая помощь» уже уехала, господин инспектор. Забрали Уильямса, – доложил полисмен.

– Уильямс – это тот, который нес службу при морге?

– Да, господин инспектор.

– А где здесь морг?

– Там.

Грегори только теперь заметил кладбище – без ограды, с равномерными прямоугольниками надгробий, занесенных снегом. До этого Грегори не видел его, поскольку лучи восходящего, низкого пока солнца слепили глаза. Кустарник почти заслонял строение, к которому от шоссе вела дорожка.

– Это морг?

– Да, господин инспектор. Я дежурил сегодня до трех, и Уильямс меня сменил. Когда это произошло, комендант собрал нас всех, потому что...

– По порядку. Расскажите все, что знаете. Уильямс дежурил вслед за вами, и что случилось дальше?

– Не знаю, господин инспектор.

– А кто знает?

Грегори трудно было вывести из себя. У него имелся опыт в такого рода беседах.

Понимая, что придется ждать, люди из Скотленд-Ярда устроились кто как мог. Фотограф и техник бросили свои вещи на снег у кювета, где, прислоненный к дорожному указателю, стоял

мотоцикл полицейского патруля. Сёренсен пытался закурить. Ветер гасил спички. Полисмен, блондин с добрыми, навывкате глазами, откашлялся.

– Никто не знает, господин инспектор. Дело было так: Уильямс дежурил с трех часов. В шесть его должен был сменить Пэррингс. А в половине шестого какой-то шофер позвонил на пост и сказал, что сбил полисмена, который кинулся прямо ему под колеса. Шофер пытался его объехать и угробил машину. И тогда...

– Нет, – сказал Грегори, – расскажите подробнее, не спеша. В чем состояло дежурство возле морга?

– Ну... мы должны были ходить вокруг и проверять двери и окна.

– Вокруг постройки?

– Не совсем, господин инспектор, потому что там, позади, кусты до самой стены, так что мы ходили по более широкому кругу, до могил и обратно.

– Сколько продолжался такой обход?

– Когда как. В эту ночь, возможно, и все десять минут, потому что выпало много снега, идти было тяжело, да еще туман, каждый раз приходилось проверять двери...

– Хорошо. Значит, в участок позвонил шофер этой машины, так?

– Так точно.

– А где он?

– Шофер? В участке, господин инспектор. Доктор Адамс сделал перевязку – ему немного поранило голову...

– Понятно. Доктор Адамс – местный врач?

– Так точно.

Грегори, который неподвижно стоял у края шоссе, с неожиданной строгостью спросил:

– Кто тут лазил? Кто истоптал весь этот снег? Там побывали какие-то люди?

Полисмен захлопал глазами. Он был озадачен, но спокоен.

– Здесь никто не появлялся, господин инспектор. Комендант приказал огородить место происшествия веревкой, и никто не ходил.

– Как это никто? А когда «скорая» забирала Уильямса?

– О, Уильямс лежал дальше. Мы нашли его там, под деревом. – Он указал рукой ров на противоположной стороне шоссе, в каких-нибудь десяти-двенадцати шагах за грузовиком.

Не говоря больше ни слова, Грегори двинулся с места и вступил в пределы огороженного пространства, держась, по возможности, на самом его краю. «Бентли» подъехал с той же стороны, откуда и они, – вероятно, из Лондона. Продвигаясь все время с предельной осторожностью, Грегори прошел несколько десятков шагов туда и обратно по шоссе вдоль следов машины. Их четкие линии в каком-то месте пропадали, снег был стерт с поверхности до самого асфальта и небольшими комками раскидан по сторонам. Было ясно, что шофер резко тормозил, и заблокированные колеса, не вращаясь, действовали как снегоочиститель. Дальше виднелась пропаханная в снегу широкая дуга, заканчивавшаяся у задних колес «Бентли», – его, видимо, занесло боком, и он наскочил на дерево. Мягкий мокрый снег зафиксировал также следы других машин, особенно глубоко отпечатались на краю шоссе двойные следы какого-то большого грузовика с характерными ромбовидными насечками на покрышках. Грегори прошел немного обратно, в сторону Лондона, и без труда убедился, что последней машиной, проехавшей здесь, был «Бентли»; следы его в нескольких местах затерли отпечатки протекторов других автомобилей. Теперь он принялся разыскивать человеческие следы и с этой целью отошел достаточно далеко в противоположную сторону, удаляясь от группы людей и машины в кювете. По этому рву прошла целая процессия, так много оказалось в нем следов. Он сообразил, что таким путем должны были вынести жертву аварии санитары «скорой помощи». Мысленно он отдал должное добросовестности коменданта полицейского участка Пикеринга. На

шоссе виднелись только следы массивных ботинок. Человек, который оставил их, бежал короткими неловкими шажками, точно плохой бегун, пытаясь развить высокую скорость.

«Он бежал со стороны кладбища, – сообразил Грегори, – выскочил на шоссе и бросился к местечку прямо посередине шоссе. Полисмен удирал с такой прытью? От кого?»

Грегори искал следы преследователя. Их не было. Снег вокруг лежал нетронутым. Он прошел еще дальше, вплоть до места, где от шоссе отходила проложенная в густых кустах кладбищенская аллея. Через каких-нибудь двадцать шагов от поворота в аллею он наткнулся на следы машины и людей. Снег четко запечатлел их. Машина подъехала с противоположной стороны, развернулась и остановилась (следы шин в этом месте были глубокие), двое вышли из машины, третий подошел к ним сбоку и повел их к «Бентли». Они шли к нему по дну кювета. Потом вернулись тем же путем, возможно, у них возникли какие-то осложнения с тем, которого они доставили, потому что виднелись круглые маленькие отпечатки – они ставили носилки на снег, прежде чем сунули их в машину. Место это находилось поодаль от начала аллеи. Грегори пошел было по ней, но тотчас вернулся, так как все было понятно. Следы убежавшего, наполненные голубоватой тенью, прямехонько вели к моргу, свежепобеленная стена которого виднелась на расстоянии каких-нибудь ста метров.

Грегори вернулся к «Бентли», внимательно изучая следы бежавшего. В восьми шагах от места аварии следы пошли в сторону – возможно, этот человек хотел резко свернуть, но дальше мало что можно было разобрать, – снег был изрыт и затоптан.

«Водитель успел объехать бегущего, но машину занесло боком, и она зацепила его багажником», – решил Грегори.

– Что с этим, с Уильямсом? Как его самочувствие?

– Он без сознания, господин инспектор. Врач со «скорой» очень удивился тому, что он смог пройти дальше, ведь он свалился здесь. В этом месте.

– Откуда вы знаете, что именно здесь?

– Потому что тут кровь...

Грегори нагнулся ниже над указанным местом. Три, нет, четыре затвердевших бурых пятнышка глубоко проникли в снег; заметить их было нелегко.

– Вы находились здесь, когда «скорая помощь» его забирала? Он был в сознании?

– О нет, совсем без сознания.

– Истекал кровью?

– Нет, то есть кровь шла, кажется, только немного, из раны на голове, из ушей.

– Грегори, когда вы сжалитесь над нами? – спросил Сёренсен, демонстративно зевая. Он швырнул в снег начатую сигарету.

– Жалость регламентом не предусмотрена, – бросил Грегори и огляделся еще раз. Уилсон с треском расставлял свой штатив, а Томас тихо чертыхался: у него в чемодане рассыпался тальк, перепачкав все инструменты.

– Ну, тогда принимайтесь за дело, ребята, – заключил Грегори, – следы, замеры и так далее, лучше больше, чем меньше, а потом приходите в морг. Эту веревку позже можно будет снять. Возможно, найдется кое-что и для вас, доктор... и очень скоро. Где комендант? – обратился он к полисмену.

– На месте, господин инспектор.

– Ну, тогда пошли.

Грегори расстегнул плащ, ему стало жарко. Полисмен в нерешительности переступил с ноги на ногу.

– Мне тоже идти?

– Идемте.

Сёренсен шел за ними, обмахиваясь шляпой. Солнце порядком припекало, снег уже исчез с ветвей, они выглядели темными и мокрыми на фоне голубого неба. Грегори считал

шаги до кустов, получилось ровно сто шестьдесят. Дорога и кладбище за ней лежали в тени между двух пологих холмов. Деревушка отсюда была не видна – только вился дым от нее. Снег лежал тяжелый и мокрый, тянуло холодом. Морг – небольшой барак, кое-как побеленный, задней своей стеной примыкал к густым зарослям кустарника. Два окошка выходили на северную сторону, в торце – дощатая дверь, полуоткрытая, без замка, но со скобой. Вокруг была уйма следов. У самого порога лежало нечто плоское, прикрытое брезентом.

– Это труп?

– Да, господин инспектор.

– Его не трогали? Он так и лежал?

– Точно так. Никто не прикасался. Комендант, как только прибыл вместе с врачом, осмотрел его, не прикасаясь.

– А этот брезент?

– Комендант приказал накрыть.

– А мог ли прийти сюда кто-нибудь, когда вы находились на шоссе?

– Не мог, господин инспектор, шоссе перекрыто.

– С той стороны. А если от Хэкки?

– Там тоже установлен пост, только его отсюда не видать, он за пригорком.

– Ну а через поля?

– Если только полями, – согласился полисмен, – но ему бы пришлось пересечь речку.

– Какую речку?

– Ну ручей, вон с той стороны.

Грегори пока не приближался к брезенту. Продвигаясь понемногу, он разыскал следы ночного патруля. Узкой утоптанной тропинкой они окружали ближайшие памятники, дугой огибали барак и возвращались назад через заросли кустов. Ветки были поломаны и местами втопты в снег. Те же, что и на шоссе, следы массивных башмаков отчетливо отпечатались там, где полисмен в темноте сбивался с тропинки.

Совершив обход, Грегори засекал время: четыре минуты. «На ночь и метель можно накинуть еще столько же, – подумал он, – и еще минуты две на туман». Он углубился дальше в кусты, спускаясь вниз по склону. Тотчас же снег провалился под ним. Грегори успел ухватиться за ветки орешника и удержаться у самой воды. Это было самое низкое место долины, в которой лежало кладбище. Скрытый заносами и потому неразличимый даже вблизи, здесь протекал ручей; поверхность воды была покрыта рябью возле подмываемых корней кустарника. В илистом дне торчали осколки камней, некоторые камни походили на булыжники. Грегори повернулся, не сходя с места. Несколько выше он увидел тыльную стену морга, только верхнюю ее часть, без окон, выступавшую из кустов на расстоянии полутора десятков метров. Начал карабкаться обратно, раздвигая упругие ветки.

– Где у вас каменщик? – спросил он полисмена. Тот сразу понял, о чем речь.

– Он живет прямо у шоссе, возле того мостика. Первый дом, такой желтый. Каменотесом работает только летом, а зимой столярничает.

– А камни как он сюда доставляет? По шоссе?

– Если уровень воды в речке падает, то по шоссе, а когда вода поднимается, сплавляет их по воде со станции. Развлекается в свое удовольствие.

– И там, на противоположном берегу, он эти камни обтесывает?

– Иногда и там, но не всегда. По-разному.

– Этот ручей течет со стороны станции, не правда ли?

– Да, но берегом не пройти, все заросло.

Грегори подошел к боковой стене морга. Одно окно было открыто, точнее, выдавлено, стекло разбито, единственный острый осколок торчал из сугроба. Он заглянул внутрь, но ничего не разглядел: слишком темно.

– Кто сюда входил?

– Только комендант.

– А доктор?

– Нет, доктор не входил.

– Как его звать?

– Адамс. Мы не знали, подоспеет ли в срок лондонская «скорая». Первой приехала бригада из Хэкки, доктор Адамс был там ночью, поэтому прибыл с ними вместе.

– Да? – произнес Грегори. Он не слышал полисмена. С рамы разбитого окна свисал светлый завиток стружки. У самой стены отпечатался глубокий, неотчетливый след босой стопы. Грегори наклонился. Снег здесь был изрыт, словно по нему волокли изрядную тяжесть. Местами можно было различить продолговатые вмятины с гладким дном, словно их сделали, вдавливая в снег большую, удлиненную буханку хлеба. В одной вмятине что-то золотисто поблескивало. Он нагнулся еще ниже и подхватил пальцами несколько свернувшихся стружек. Склонив голову, с минуту рассматривал другое, закрытое окно. Оно было заляпано известкой. Он ступил в глубокий снег, опустился на колено, откинув предварительно полу плаща, потом поднялся и снова все оглядел. Глубоко втянул воздух. Широко расставив ноги, засунув руки в карманы, он окинул взглядом белое пространство между кустами, моргом и первым надгробием. Бесформенные глубокие следы с гладкими вмятинами начинались у разбитого окна, делали петлю и вели к дверям. Они отклонялись по пути то в одну, то в другую сторону. Словно какой-то пьяница толкал перед собой мешок. Сёренсен стоял в стороне, приглядываясь к следам со сдержанным любопытством.

– Почему нет замка? – обратился Грегори к полисмену. – Был ли он?

– Был, господин инспектор, но испортился. Могильщик собирался отдать его кузнецу в ремонт, да забыл, потом наступило воскресенье, ну словом... – развел он руками.

Грегори молча приблизился к брезенту. Осторожно приподнял жесткий край и отбросил его в сторону.

У его ног на боку лежал голый человек с поджатыми руками и ногами, словно он опирался коленями на что-то невидимое или отпихивал это что-то от себя локтями и коленями. Он заполнял своим телом пропаханную в снегу широкую колею, которая тянулась от окна. Примерно два шага отделяли его голову от порога. Там снег оставался нетронутым.

– Может быть, вы захотите его обследовать? – произнес Грегори, поднимаясь с колен. Кровь прилила ему к лицу. – Кто это? – обратился он к полисмену, который надвинул козырек пониже, так как солнце стало бить ему в глаза.

– Хансел, господин инспектор. Джон Хансел. Он был владельцем красильни.

Грегори не спускал глаз с Сёренсена, который крайне осторожно, в резиновых перчатках, извлеченных из плоского чемодана, касался ног и рук трупа, приподнимал веки, потом очень внимательно осмотрел позвоночник.

– Он – немец?

– Не знаю. Возможно, из немцев, но я об этом не слышал. Его родители были местные.

– Когда он умер?

– Вчера утром. Он давно уже жаловался на сердце. Врач запретил ему работать, но он не заботился о себе. Он абсолютно ни о чем не заботился с тех пор, как жена сбежала от него с одним типом.

– Были здесь еще какие-то трупы?

Сёренсен поднялся с колен, отряхнул брюки, носовым платком смахнул что-то с рукава и бережно уложил в футляр резиновые перчатки.

– Позавчера были, господин инспектор, но их уже схоронили. Похороны состоялись вчера, в полдень.

– Значит, вчера после полудня здесь находился только этот труп?

- Только он, господин инспектор.
- Ну что, доктор?

Грегори подошел к Сёренсену. Они стояли под стройным кустом; на его верхушке играло солнце, капель буравила снег.

– Что я могу сказать? – Сёренсен казался обиженным, сверх того – раздраженным. – Смерть наступила более двадцати четырех часов назад. Классические трупные пятна, полное отвердение жевательных мышц.

- А конечности? Ну что? Почему вы молчите?

Они разговаривали все тише, но все более нервно.

- Вы сами видели.

- Я не врач.

- Окоченения нет. Но кто-то и нарушил его. И баста.

- Оно наступит повторно?

- Должно наступить частично, но не обязательно. Разве это важно?

- Но оно действительно было?

– Окочение наступает всегда. Вам должно быть это известно. И прошу на меня не давить, так как я ничего больше не знаю!

– Благодарю, – произнес Грегори, не скрывая раздражения, и направился к двери. Она была приоткрыта, но, чтобы войти, требовалось перешагнуть, вернее, перескочить через труп, поэтому он сказал себе, что лучше не оставлять лишних следов, здесь и так все порядком затоптано. Он сбоку потянул за скобу. Дверь даже не дрогнула, плотно засыпанная снегом. Он дернул ее. Дверь резко заскрипела, с грохотом ударив в стену. Внутри царила тьма. Сквозь щель за порог нанесло немного снега, который растаял, образовав мелкую лужу. Грегори постоял с закрытыми глазами, ощущая неприятный холод, исходивший от стен, и терпеливо ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

Разбитое окно пропускало немного света; стекло второго, замазанное известью, оказалось почти непрозрачным. Посредине стоял гроб, выстланный стружками. На его край опирался венок из хвои, обвитый траурной лентой. Можно было прочесть выполненную золотом надпись: «Безутешная скорбь». В углу вертикально стояла крышка гроба. Полom служила плотно утрамбованная земля, под окном лежало немного рассыпанных стружек. У другой стены Грегори различил кирку, лопаты и связку свернутых, измазанных глиной веревок. Еще там валялось несколько досок.

Он вышел из морга и зажмурился – глазам стало больно от света. Полисмен, стараясь не коснуться покойника, осторожно прикрывал его брезентом.

- Вы дежурили в эту ночь до трех, верно? – спросил Грегори, приблизившись.
- Так точно, – вытянулся полисмен.
- Где находилось тело?
- Во время дежурства? В гробу.
- Вы проверяли?
- Так точно.
- Открывали дверь?
- Нет. Светил фонариком в окно.
- Стекло было разбито?
- Нет.
- А гроб?
- Что?
- Гроб был открыт?
- Так точно.
- Как лежал труп?

– Обычно.

– Почему покойник голый?

Полисмен оживился.

– Похороны должны были состояться сегодня, а с этой одеждой – целая история. С тех пор как жена Хансела сбежала два года назад, он жил вместе с сестрой. Характер у той скверный, никто не может с ней поладить. Одежду, бывшую на нем в момент смерти, которая случилась за завтраком, она отдавать не хотела, жалко ей стало: одежда, дескать, новая. Собиралась дать старую, но когда прибыл владелец похоронного бюро, не дала ничего, сказала, что покрасит в черное костюм похуже, а тот не собирался приезжать еще раз и забрал покойника в чем мать родила. Сегодня она должна была принести этот костюм...

– Грегори, я поеду, мне здесь уже делать нечего, – неожиданно заявил Сёренсен, который, казалось, прислушивался к разговору. – Вы мне дадите машину? Можете взять автомобиль в участке.

– Сейчас. Мы поговорим об этом, – бросил Грегори. Сёренсен раздражал его. Но все-таки добавил: – Постараюсь подыскать вам что-нибудь. – Он глядел на помятый брезент. Он хорошо запомнил покойника, хотя видел его один короткий миг: человек лет шестидесяти; натруженные руки, гораздо более темные, нежели лицо; почти лысый череп, только над затылком и на висках – седая щетина. Особенно врезалась в память печать удивления в несомкнутых, помутневших глазах. Ему захотелось сбросить плащ – становилось все жарче. Он нетерпеливо прикидывал, как скоро солнечные лучи проникнут в глубь этого пока что пребывающего в тени места. Надо обязательно успеть снять все отпечатки.

Он уже собирался послать полисмена на шоссе, когда увидел своих людей. Пошел им навстречу.

– Ну, наконец. Не теряйте времени, снег уже тает. Томас, больше всего меня интересуют следы между окном и дверью. Погуще посыпьте их тальком, снег мокрый. И легонечко, чтобы все не расползлось! Я отправляюсь в поселок. Измерьте все, что удастся, и расстояние до воды, там за кустами ручей. Нужно несколько снимков общего плана, и хорошо обшарьте берег, может, я что-то там проглядел.

– Будьте спокойны, Грегори, – отозвался Уилсон. На ремне, переброшенном через плечо, он нес свой плоский чемодан, который ударялся о бедро, и создавалось впечатление, что его владелец хромает.

– Пришлите за нами машину, хорошо?

– Конечно!

Грегори направился к шоссе, забыв о Сёренсене. Когда он оглянулся, доктор шел за ним, стараясь не бежать. Веревки, огораживавшие место аварии, уже сняли. Два человека вытаскивали «Бентли» из кювета. Возле моста виднелся «Олдсмобил», обращенный в сторону Лондона. Ни слова не говоря, Грегори сел впереди, рядом с Коллзом. Доктор прибавил шагу, ибо мотор уже работал. Они проехали мимо полисмена из дорожного патруля и повернули к Пикерингу.

Полицейский участок размещался в двухэтажном доме на углу базарной площади. Полисмен провел Грегори наверх. Там был коридор с дверями по обеим сторонам и с окном в конце; через окно просматривались крыши одноэтажных домов на противоположной стороне площади.

Комендант поднялся при виде входящего. У него была вытянутой формы голова, на середине лба отпечаталась красная полоска от каски, которая лежала на столе.

При первых же словах он несколько раз потер руки. Нервно, без признака веселости, улыбнулся.

– Ну, за работу, – вздохнул, усаживаясь, Грегори. – Как там дела у Уильямса, вы не в курсе? С ним можно будет побеседовать?

Комендант покрутил головой.

– Исключено. Перелом основания черепа. Я минуту назад звонил в Хэkki. Он в больнице, в бессознательном состоянии. Ему сделали рентген. Врачи говорят, что это протянется какое-то время, если он вообще выпутается.

– Да? Прошу вас, вы ведь знаете своих людей. Скажите, чего стоит этот Уильямс? Он давно в полиции? Ну, все, что вы о нем знаете.

Грегори говорил рассеянно, в мыслях он все еще находился возле морга и созерцал следы на снегу.

– Уильямс? Ну что ж, он тут у меня четыре года. До этого был на севере. Служил в армии. Был ранен, награжден орденом. Здесь женился, у него двое детей. Ничем особенно не выделялся. Увлекался рыбной ловлей. Уравновешенный, неглупый. За все время службы – никаких серьезных нарушений.

– А несерьезные?

– Ну, может, был слишком... терпимый. Добрая душа, как говорится. Он по-своему толкует инструкции. Ведь в такой дыре все друг друга знают... Но речь шла о мелочах: слишком мало выписывал штрафов... Человек был спокойный, даже, я бы сказал, слишком спокойный, то есть не был, а есть... – поправился комендант, и лицо у него дрогнуло.

– В привидения верил? – совершенно серьезно спросил Грегори. Комендант поглядел на него своими белесыми глазами.

– В привидения? – безотчетно повторил он. И неожиданно смешался. – В привидения?... Нет, не думаю. Не знаю. Вы считаете, что он... – Комендант не закончил фразу. С минуту они молчали.

– Вы можете себе представить, от чего он убегал? – тихо спросил Грегори, перегнувшись через стол. Он глядел коменданту прямо в глаза. Тот молчал. Медленно опустил голову, потом вновь ее поднял.

– Представить не могу, однако...

– Однако?..

Комендант изучал физиономию Грегори. Наконец, как бы разочаровавшись, пожал плечами.

– Ну хорошо. Перейдем к фактам. Пистолет Уильямса у вас?

– Да.

– И что?

– Он сжимал его в руке.

– Ах так? Стрелял из него?

– Нет. Пистолет на предохранителе... Но... с патроном в стволе.

– Заряженный? А как ходят ваши люди? С незаряженным оружием?

– Да. У нас спокойно. Зарядить всегда успеется...

– Вы уверены, что Уильямс сам прошел или прополз несколько шагов от того места, где его сбила машина, до того, где его подобрала «скорая помощь»?

Комендант с удивлением глядел на Грегори.

– Он вовсе не поднимался на ноги. Смитерс, тот тип, который его сбил, показал, что сам перенес Уильямса тотчас же после аварии.

– Так. Ну, это упрощает дело. Скажем, что... упрощает, – добавил Грегори. – Он у вас, этот Смитерс?

– Так точно.

– Я хотел бы его допросить. Можно?

– Сию минуту.

Комендант открыл дверь и сказал кому-то несколько слов. Вернувшись, остановился у окна. Они ждали примерно с минуту. Вошел красивый мужчина в обтягивающих вельвето-

вых брюках и пушистом свитере, стройный, узкобедрый, с физиономией героя-любownika из второразрядного фильма. Остановившись у порога, он с явным беспокойством смотрел на Грегори, который, повернувшись вместе со стулом, некоторое время приглядывался к нему, прежде чем сказать:

– Я провожу расследование по поручению Скотленд-Ярда. Вы сможете ответить на несколько вопросов?

Смитерс сдержанно кивнул.

– Я, собственно, уже все сказал... Я абсолютно не виновен.

– Если вы невиновны, ничего дурного с вами не случится. Вы задержаны, так как обвиняетесь в совершении аварии с угрозой для человеческой жизни. Вы не обязаны отвечать на вопросы, которые могут быть использованы против вас как основание для обвинения. Готовы ли вы отвечать?

– Конечно, да... мне нечего скрывать, – произнес молодой человек, больше всего напуганный официальной формулировкой, которую привел Грегори. – Я ничего не мог поделать, уверяю вас. Он просто кинулся под колеса. Это шоссе, а не тротуар. Нельзя нестись ночью вслепую, да еще при таком тумане. Я ехал совсем потихоньку! Сделал все, что мог, по его вине разбил машину. Это он виноват! Понятия не имею, как выпутаюсь из этой истории, грузовик не мой...

– Прошу рассказать конкретнее, как это произошло. С какой скоростью вы ехали?

– Самое большее тридцать миль в час, клянусь богом. Был туман, шел снег, я не мог зажечь верхних фар, потому что тогда еще хуже.

– Вы шли с выключенными фарами?

– Ничего подобного! Я зажег подфарники. И видел едва на пять-шесть шагов. Разглядел его уже возле самого капота, говорю вам, он гнал, как слепой, как сумасшедший, просто лез под колеса!

– Что-нибудь в руках у него было?

– Не понял.

– Я спрашиваю: он держал что-нибудь в руке?

– Я не заметил. То есть потом, когда его поднял, заметил, что у него в руке пистолет. Но тогда не видел. Я со всей силы тормознул, меня завертело и развернуло задом наперед. Я напоролся на дерево и страшно изрезался. – Он поднес руку к голове.

Запекшийся красный шрам тянулся через весь его лоб, исчезая в густой шевелюре.

– Я даже не почувствовал. Был смертельно напуган, мне показалось, что удалось его объехать, то есть я на самом деле миновал его, и даже не знаю, как зацепил, возможно бампером, когда меня занесло. Он лежал и не двигался. Я принялся растирать его снегом, я вообще не думал о себе, хотя кровь заливала мне глаза. Он был без сознания, поэтому сначала я решил доставить его в больницу, но никак не мог завести машину стартером, что-то сломалось, не знаю что. Поэтому я бросился по шоссе и из первого дома позвонил...

– Вы перенесли его в кювет. Почему не в машину?

– Ну... – заколебался молодой человек, – потому... потому что вроде бы потерявшего сознание надо уложить ровно, а в машине места нет. Я сразу подумал, что если он будет лежать посреди дороги, то кто-нибудь может наехать...

– Хорошо. В каком часу произошел несчастный случай?

– Вскоре после пяти. Возможно, минут десять-пятнадцать шестого.

– Когда вы бежали к селению, кого-нибудь встретили на шоссе?

– Нет, никого.

– А до этого, когда ехали, вам никто не попадался? Пешеходы? Машины?

– Пешеходы – нет. Машины? Тоже нет. То есть я обогнал два грузовика, но это было еще на автостраде.

– Откуда вы ехали?

– Из Лондона.

Наступила тишина. Смитерс приблизился к Грегори.

– Господин инспектор... я могу сейчас уйти? И кстати, что будет с машиной?

– О машине не беспокойтесь, – бросил комендант от окна. – Если хотите, мы направим ее в какой-нибудь гараж. Сами перетащим. Тут неподалеку есть авторемонтная мастерская, можем доставить туда, они ею займутся.

– Благодарю. Это очень кстати. Только мне придется телеграфировать относительно денег. Можно... можно мне уйти?

Грегори, обменявшись с комендантом взглядами и слегка кивнув, произнес:

– Прошу оставить свои подробные персональные данные и адрес. Адрес, по которому вас можно разыскать.

Смитерс повернулся на каблуках и замер, сжимая пальцами дверную ручку.

– А... что с ним? – тихо спросил он.

– Может быть, выкарабкается. Пока неизвестно, – сказал комендант. Смитерс открыл рот, но ничего не сказал и вышел. Грегори повернулся к столу. Подпер голову руками. Его охватила непонятная усталость. Хотелось так и сидеть, ничего не говорить, не думать.

– От чего же он убегал? – вдруг громко произнес он, неожиданно для самого себя. – От чего, черт возьми, он бежал?

– Может, скорее, от кого? – подсказал комендант, усаживаясь за стол.

– Нет. Если бы он кого-то видел, то в том состоянии, в каком находился, открыл бы стрельбу. Вам не кажется? Я-то думаю именно так. Стрелял бы, как дважды два.

– Вы осмотрели следы? – спросил комендант. Он старательно всовывал ремешок своей каски в пряжку. Грегори присмотрелся к нему: глубокие вертикальные морщины на щеках, мелкие морщинки вокруг покрасневших глаз, в рыжей шевелюре поблескивают седые волосы.

– Может, расскажете, как там все происходило, когда вы туда прибыли? И в каком часу? – ответил вопросом на вопрос Грегори.

Комендант сосредоточенно поправлял острие пряжки.

– Дежурил Пэррингс. Этот юнец позвонил в полшестого. Он разбудил меня, я живу тут, рядом. Я сразу приказал известить вас и поехал.

– Было еще темно, когда вы туда добрались?

– Немного прояснилось, но висел густой туман.

– Снег шел?

– Уже перестал.

Комендант отложил каску, расстегнутый ремешок стукнул о стол.

– Доктор занялся Уильямсом, я помог втащить его в «скорую», – малый ведь крупный, а прибыл только один санитар. Тем временем приехали двое из дорожной полиции. Я поставил их с двух сторон шоссе, а сам отправился на кладбище.

– У вас был фонарь?

– Нет, я одолжил его у Хардли – это сержант дорожной полиции.

– В каком положении находился труп?

– Он лежал у дверей, головой к порогу, руки и ноги были скрючены.

– Откуда вы взяли брезент?

– Он был в морге.

– Значит, вы вошли туда?

– Да. Втиснулся боком. Перемахнул через порог, понимаете. Было все-таки темно, я мог что-то упустить из виду, а с другой стороны, я видел, что там – только следы Уильямса. Я подумал, что, возможно, внутри морга... – Комендант замолчал.

– Вы решили, что он еще там?

– Да.

Решительный тон ответа поразил Грегори.

– Почему вы так решили?

– Потому что там, внутри, что-то шевелилось, когда я посветил фонариком.

Грегори, сторбившись, боком сидел на стуле и глядел в лицо коменданта. Их разделяло, возможно, полметра, а может, чуть меньше. Комендант не спешил. Он поднял глаза, и на его губах появилась неуверенная улыбка, словно он стыдился того, что должен сказать.

– Это был кот.

Он дотронулся до стола и добавил:

– Он у меня здесь.

– Где?

Грегори быстрым взглядом окинул комнату, но комендант отрицательно повертел головой:

– Здесь...

Он выдвинул ящик стола. В нем лежал небольшой газетный сверток. Комендант поколебался, но затем выложил его на стол. Грегори легко отвернул край смятой газеты. Белый, исхудалый котик с черной отметиной на кончике хвоста, с мокрой, спутанной шерстью, с неестественно распряmlенными лапками, глядел на него единственным узким, как восклицательный знак, помутневшим зрачком.

– Он мертв?.. – Грегори, ошеломленный, взглянул на коменданта.

– Когда я туда вошел, он еще был жив.

– А!.. – У Грегори вырвался крик. – А когда он подох?

– Когда я его поднял, он уже остывал. Дико мяукал.

– А где вы его нашли?

– Возле гроба. Сидел... на венке.

Грегори прикрыл глаза. Открыл их, поглядел на кота, накрыл его газетой и отнес на подоконник.

– Надо будет прихватить его, произвести вскрытие или что-то в этом роде, – буркнул он. Потер лоб. – Зачем вы его взяли?

– Из-за кошачьих следов. Вы не заметили их, не так ли?

– Нет.

– Потому что их не было, – пояснил комендант. – У меня был только фонарь, но я все хорошо осмотрел. Этот кот не оставил на снегу никаких следов.

– Так откуда же он взялся?

– Не знаю. Наверное, он уже был там. До того как пошел снег.

– А когда он пошел?

– После одиннадцати. Или немного позже, можно узнать поточнее.

– Хорошо, но как он туда попал? Может, он сидел там все это время?

– Вечером его не было. Стикс дежурил до трех. С одиннадцати до трех. Да, именно в это время.

– Этот Стикс... открывал дверь?

– Открывал, когда пришел. Он невероятно дотошный. Заступая на смену, он хотел выяснить, все ли в порядке. Я спрашивал его.

– Ага, вы думаете, что кот тогда и проскользнул?

– Да, я так полагаю.

Вошли Томас и Уилсон.

– Готово, господин инспектор. Все выполнено. Коллз повез доктора на станцию, сейчас вернется. Поехали?

– Да. Положите это в багажник. Сёренсен получит дополнительную работу, – не без зло-радства произнес Грегори и протянул коменданту руку. – Благодарю вас. Если это будет возможно, я хотел бы, чтобы Уильямса перевезли в лондонскую больницу. Прошу меня известить, если что случится, хорошо?

Они спустились вниз. Грегори взглянул на часы и изумился – полдень миновал. Он порядком проголодался.

– Перекусим? – обратился он к остальным.

Рядом был небольшой ресторанчик, вроде бара, с четырьмя столиками. Когда усаживались, подъехал Коллз.

Уилсон позвал его. Сержант, оставив машину на улице, присоединился к ним. Ели молча. Фотограф подкрутил свой черный, чересчур элегантный ус и заказал пиво.

– Выпьете, господин инспектор?

Грегори отказался. Сержант тоже.

– Я за рулем, – напомнил он.

Когда вышли на улицу, было около двух. По придорожным канавам текли мутные ручьи, весь снег превратился в грязную жижу, совсем немного серого льда поблескивало на крышах. Грегори неожиданно захотелось вести машину. Коллз сел рядом с ним, остальные – сзади. Тро-нулись, взметая фонтаны талой воды. Грегори взглянул искоса на сержанта (может, он против быстрой езды, как-никак отвечает за машину), но Коллз поглядывал через боковое стекло с сонным выражением сытости. Грегори прибавил газу. Водил он недурно, но, по собственному суждению, слишком резко. Он сожалел об этом, ибо жаждал обрести безмятежную самоуве-ренность и невозмутимое спокойствие настоящего водителя. Это ему удавалось, пока он об этом думал. Покрышки пронзительно шуршали, за несколько минут стекла покрылись тыся-чами темных восклицательных знаков. За Уимблдоном на шоссе стало тесно. Грегори так и подмывало включить сирену: приятен мгновенный эффект, открывающий свободный проезд. Но ему было совестно; в сущности, спешить было некуда. Меньше чем за час они добрались до Лондона. Уилсон и техник отправились в лабораторию. Грегори хотел заглянуть домой, сер-жант подбросил его. Когда машина остановилась, Грегори, вместо того чтобы вылезти, угостил Коллза сигаретой, закурил сам, а потом спросил:

– Вы видели там все это... Что скажете?

Коллз медленно поднял голову и стал опускать стекло.

– Сержант, мы знакомы не первый день. Как вам кажется, существует ли что-нибудь, от чего бы вы удирали... с пистолетом в руке?

Коллз быстро взглянул на Грегори, чуть приподнял брови и старательно стряхнул пепел. Казалось, он уже ничего не скажет, когда он вдруг вымолвил:

– Танк.

– Нет, нет, вы знаете, в чем дело.

Сержант с удовольствием затаился.

– Я внимательно все это осмотрел. Он ходил там все вокруг и вокруг, а потом заметил нечто такое, что ему не понравилось. Он не дернул сразу. Это существенно. Остановился и... достал револьвер. Только взвести курок уже не успел.

– А он не мог выхватить пистолет уже на бегу? – спросил Грегори. Глаза у него блеснули. Он бросил на сержанта короткий взгляд. Тот неожиданно улыбнулся.

– Вы сами знаете, что нет. Эти наши железки сидят плотно. Вы видели следы? Он несся как заяц! Кто так летит, не станет возиться с кобурой. Ему пришлось бы замедлить бег. В самом густом тумане фары машины видны за десять шагов, если бьют в лицо, а он их не заметил. Он совсем ничего не видел. Порядком его там припекло.

– От кого может убежать полисмен с пистолетом в руке? – повторил Грегори, глядя перед собой невидящим взглядом. Он не ждал ответа и не получил его...

Глава IV

- Слушаю, – произнес Шеппард.
- Грегори положил перед ним исписанный листок.
- Я составил небольшую сводку, господин инспектор...

9.40. Хансел умирает во время завтрака от сердечного приступа. Доктор Адамс констатирует смерть.

14.00. Приезжает владелец похоронного бюро. Сестра Хансела отказывается дать ему костюм, тот увозит покойника без одежды, доставляя его в морг в гробу.

17.00. Констебль Аткинс заступает на свой пост у морга. Труп покоится в открытом гробу. Дверь заперта на скобу, в которую воткнута щепка.

23.00. Дежурство принимает констебль Стикс. Открыв дверь, он заглядывает в морг. Никаких перемен. Начинается снегопад. Возможно, что в тот момент, когда Стикс не смотрел на дверь, в морг проник кот.

3.00. Стикса сменяет Уильямс. Он не открывает дверь, только светит фонариком через окно в присутствии Стикса, который подтверждает, что внутри никаких перемен, после чего удаляется в городок.

5.25—5.35. Смитерс по телефону сообщает в полицейский участок в Пикеринге, что сбил полисмена.

5.50—6.00. Приезжает «скорая помощь» из Хэки с доктором Адамсом и комендантом полицейского участка. Уильямса увозят в больницу. На шоссе на расстоянии 170 метров от морга стоит «Бентли», который врезался в дерево, ударив Уильямса багажником или задним бампером. У Уильямса перелом основания черепа, сломаны три ребра. Он без сознания. Комендант едет в морг, удостоверяется, что дверь полуоткрыта, в метре от нее лежит труп, одно из окон разбито, стекло выдавлено изнутри, его осколки торчат в снегу. В морге комендант обнаруживает кота, забирает его с собой. Кот сначала ведет себя беспокойно, а по пути в поселок издыхает.

Следы, зафиксированные возле морга:

1. Следы констебля Уильямса, соответствующие отпечаткам его башмаков, образовали круговую тропинку возле морга; следы эти отдаляются от тропинки, приближаются к разбитому окну, потом направляются к шоссе и обрываются на месте аварии.

2. Следы коменданта участка – трудно различимые, так как он шел, главным образом, по следам Уильямса, лишь смазав их внутренний рисунок.

3. Один достаточно четкий след босой ноги, отождествленный с левой стопой умершего, обнаруженный под выбитым окном мертвецкой. След обращен пальцами к стене слегка внутрь, глубокий, как бы отпечатавшийся под действием большой тяжести.

4. От окна к двери, огибая угол строения, тянутся следы как бы от переползания на руках или коленях, с углублениями, похожими на вмятины, остающиеся от коленей. В двух местах хорошо сохранившиеся в спрессованном снегу отпечатки с признаками оттиска кожи (словно бы колено было обнажено).

5. В глубоком снегу среди кустов в направлении ручья, в 28 метрах от морга, обнаружены единичные кошачьи следы, соответствующие величине лапок сдохшего кота. Следы исчезают, словно бы кот взобрался на один из кустов.

6. На илистом дне ручья (наибольшая глубина рядом с моргом – 40 сантиметров) в 43, 41 и 38 метрах от морга – крайне неотчетливые, размытые, затрудняющие их идентификацию следы человека, вероятно, в обуви. Время их появления точно указать невозможно; по мнению экспертов, от двух до шести дней.

Примечания:

а) в следах, упомянутых в пункте 4, и под окном обнаружены единичные стружки, точно такие же, какими был устлан гроб;

б) следы, описанные в пункте 4, обрываются там, где найдено тело (на расстоянии одного метра от дверей);

в) минимальное расстояние от края тропинки, протоптанной констеблем Уильямсом, до заросшего орешником берега ручья по прямой – 13 метров. Здесь полуметровая разница уровней (не слишком крутой склон, начинающийся за моргом, завершается небольшим – с полметра – обрывом у самой воды). Обломки камней, оставшиеся с лета от камнетесных работ, разной величины, от размеров картофелины до размеров человеческой головы, а подчас и крупнее, можно обнаружить как на дне ручья, так и в кустах. Некоторые камни выступают из-под снега или на том же уровне зажаты между ветками кустарника, там, где он особенно густой.

Состояние трупа. Помимо того, что зафиксировано детально в протоколе осмотра, обращает на себя внимание факт отсутствия трупного окоченения, которое накануне констатировал владелец похоронного бюро. Поскольку за столь короткое время оно не могло исчезнуть – обычно это происходит через 50–70 часов после смерти, – его нарушили искусственно.

Шеппард поднял глаза на Грегори.

– Вы знаете, как бывает с этим окоченением?

– Да. Я специально беседовал по этому вопросу со специалистами. Окоченение удается устранить искусственно, после чего оно может уже не повториться или же восстанавливается в ослабленном виде.

Шеппард отложил листок.

– Каковы же выводы?

– Вас интересует моя версия?

– И это тоже.

– Преступник должен был проникнуть в морг до того, как Аткинс заступил на дежурство. Он спрятался внутри, возможно, в углу за крышкой гроба, либо укрылся за досками и веревками, которые лежат в самом темном месте, у стены. Около пяти он извлек труп из гроба и стал выдавливать стекло, пока оно не треснуло, и окно оказалось открытым. Уильямс, услышав шум, приблизился, а увидев разбитое стекло и открытое окно, выхватил револьвер. В этот момент преступник выпихнул труп через окно таким образом, что показалось, будто покойник сам передвигается. Уильямс потерял голову и обратился в бегство. Затем преступник вылез через окно, подтянул труп к двери и, возможно, тогда услышал или увидел нечто такое, что его спугнуло; он бросил покойника и бежал.

– В каком направлении?

– Было примерно полшестого, а значит, уже занимался рассвет. По дорожке, проложенной Уильямсом, он дошел до края зарослей, а потом, идя частично по веткам, частично по камням, которые торчат в кустах, держась за ветки, спустился к ручью и по дну его, переступая с камня на камень, направился к железнодорожной станции.

– Это все? – спросил Шеппард.

– Нет. Есть второй вариант. Злоумышленник пришел около четырех или после четырех по руслу ручья. Выждал с минуту, пока Уильямс миновал его, и потом влез по склону. Он наверняка оставил следы и на снегу, но их замело снегопадом, который продолжался еще часа три. Тропинкой, протоптанной Уильямсом, выдерживая известную дистанцию, он дошел до дверей, снял скобу, пробрался внутрь, прикрыв за собою дверь. Дальше он действовал примерно так, как в первом варианте: извлек труп из гроба, выдавил стекло, чем привлек внимание Уильямса, просунул мертвеца в окно, а когда Уильямс убежал, перетащил тело к двери, закрыл ее на скобу и возвратился к ручью. И пошел не по направлению к станции, а туда, где ручей пересекается с автострадой. Там его ждала машина, на которой он уехал.

- Обнаружены ли следы на автостраде?
- Много следов автомашин, но ничего конкретного. Все это только домыслы. Решающим будет то, что сообщит Уильямс. Если он заметил, что дверь была только прикрыта, а затычки в скобе не было, значит, мы примем второй вариант.
- Каково самочувствие Уильямса?
- Он пока без сознания. По-прежнему ничего не известно. Врачи говорят, что все станет ясно через два-три дня.
- Ну ладно... – сказал Шеппард. – Вам следует тщательно поработать над своей версией, это единственная альтернатива... «Устрашившись его, стерегущие пришли в трепет...»²
- Грегори перевел взгляд с лица главного на его руки, неподвижно лежащие на столе.
- Вы так считаете? – медленно выговорил он.
- Я предпочел бы, чтобы вы не считали меня своим противником, Грегори. Лучше представьте себя на моем месте. Что тут смешного? – спокойно спросил Шеппард, заметив, что Грегори улыбается.
- Нет. Мне просто кое-что вспомнилось. Я тоже... впрочем, это не важно. Будучи на вашем месте, я размышлял бы так же. Невозможно проникнуть за стену, если отсутствует дверь.
- Хорошо. Рассмотрим первый вариант. Преступник, говорите вы, проник в морг до одиннадцати, раньше, нежели первый полисмен заступил на пост. Передо мной план. Где тут можно спрятаться?
- Здесь в углу, за крышкой гроба, или в противоположном, за досками.
- Вы как-то проверяли это?
- Нет, это теория. Можно укрыться за этой крышкой, но достаточно посветить сбоку фонарем, и тайник раскроется. Вот почему я больше склоняюсь к версии с досками. Ни один из констеблей тщательно не обследовал морг, они только заглядывали в дверь.
- Ладно. Но чтобы вытолкнуть труп в окно, преступник должен был изменить его положение, ибо труп утратил гибкость, не правда ли?
- Да. Он должен был сделать это в темноте. Затем высадил окно и опустил тело наружу.
- Каким образом он оставил свой босой след у стены?
- Ну, это, пожалуй, было не так уж сложно.
- Вы ошибаетесь, это крайне трудная задача. Злоумышленнику приходилось заниматься своим делом украдкой от Уильямса, уже привлеченного звуком треснувшего стекла. Это едва ли не самый критический момент. Уильямс наверняка не удрал бы, увидев виновника преступления. Он не стал бы улепетывать от человека, пытавшегося вытащить труп, поскольку он ждал именно такого человека. Выстрелил бы или нет, но скорее всего попытался бы задержать его, а не обратился в бегство. Вы согласны со мной?

---

² Евангелие от Матфея, 28, 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.